

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 3 (18)

2024

*А. А. Корольков, В. Ю. Даренский, В. А. Фатеев,
М. М. Шевченко, А. Ю. Минаков, священник Игорь Иванов,
В. А. Воропаев, П. Н. Базанов, И. Б. Гаврилов*

Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет»

УДК 1(470)(091)(043.2)
DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_20
EDN AEYAQO



Аннотация: Публикуются тезисы и тексты докладов, непосредственно прозвучавших на состоявшемся 4 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии онлайн-круглом столе «Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954)» и позднее присланных в редакцию «Русско-Византийского вестника». Подчеркивается, что Иван Ильин и его наследие по сей день находятся на острие борьбы за отечественное самосознание в самом широком понимании этих слов. Показано, что в своих трудах мыслитель делал акцент на духовном смысле существования России и русской культуры, намечал пути духовного делания и в философии, и в искусстве, и в науке, и в праве. Рассматривается предложенный им проект будущей русской философии — неотъемлемая часть проекта возрождения России. Отдельное внимание уделено истолкованию Ильиным понятия «русская идея» как синтеза монархии, национального самосознания и православной веры, а также его анализу исторического опыта императорской России. Затрагиваются более узкие вопросы — византизм и византийская монархия в понимании Ильина, его воззрения на личность и творчество Н. В. Гоголя, его взаимоотношения с одной из патриотических организаций Русского Зарубежья — Братством Русской Правды и др. Обращение современных российских ученых к наследию И. А. Ильина направлено на восстановление исторической памяти о нашем великом соотечественнике и призвано внести новую лепту в становление самобытной православной России.

Ключевые слова: И. А. Ильин, русская религиозная философия, консерватизм, национальное самосознание, православие, «русская идея», монархия, монархическое правосознание, императорская Россия, революция, русская эмиграция, Белое движение, антикоммунизм, антилиберализм.

Об авторах: **Александр Аркадьевич Корольков**

Доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека РГПУ им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3385-2587>

Виталий Юрьевич Даренский

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Валерий Александрович Фатеев

Кандидат филологических наук, член редколлегии издательства «Росток».

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Максим Михайлович Шевченко

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX в. — начала XX в. исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: shevch_mm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5257-4765>

Аркадий Юрьевич Минаков

Доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного университета, руководитель Воронежского отделения Российского исторического общества.

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-1856>

Священник Игорь Анатольевич Иванов

Кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Владимир Алексеевич Воропаев

Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Петр Николаевич Базанов

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры медиалогии и литературы Санкт-Петербургского государственного института культуры.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

Игорь Борисович Гаврилов

Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры богословия Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

Для цитирования: Корольков А. А., Даренский В. Ю., Фатеев В. А., Шевченко М. М., Минаков А. Ю., Иванов И., свящ., Воропаев В. А., Базанов П. Н., Гаврилов И. Б. Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954). Материалы круглого стола научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2024. № 3 (18). С. 20–59.

RUSSIAN-BYZANTINE HERALD

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3 (18)

2024

*Alexander A. Korolkov, Vitaly Yu. Darensky, Valery A. Fateyev,
Maxim M. Shevchenko, Arkady Yu. Minakov, Priest Igor Ivanov,
Vladimir A. Voropaev, Petr N. Bazanov, Igor B. Gavrilov*

A Leading Exponent of the Russian National Idea. To the 140th Anniversary of the Birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”

UDC 1(470)(091)(043.2)

DOI 10.47132/2588-0276_2024_3_20

EDN AEYAQO



Abstract: Abstracts and texts of reports directly presented at the online round table “The Leading Exponents of the Russian National Idea” held on April 4, 2023 at the St. Petersburg Theological Academy are published. To the 140th anniversary of the birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954)” and later sent to the editorial office of the “Russian-Byzantine Bulletin”. It is emphasized that Ivan Ilyin and his legacy to this day are at the forefront of the struggle for national identity in the broadest sense of these words. It is shown that in his works the thinker emphasized the spiritual meaning of the existence of Russia and Russian culture, outlined the paths of spiritual activity in philosophy, art, science, and law. The project of the future Russian philosophy proposed by him is considered – an integral part of the project of the revival of Russia. Special attention is paid to Ilyin’s interpretation of the concept of “Russian idea” as a synthesis of the monarchy, national identity and Orthodox faith, as well as his analysis of the historical experience of Imperial Russia. Narrower issues are touched upon – Byzantism and the Byzantine monarchy in the understanding of Ilyin, his views on the personality and work of N. V. Gogol, his relationship with one of the patriotic organizations of the Russians Abroad – the Brotherhood of Russian Truth, etc. An appeal of modern Russian scientists to the legacy of I. A. Ilyin is aimed at restoring the historical memory of our great compatriot and is intended to make a new contribution to the formation of the distinctive character of Orthodox Russia.

Keywords: I. A. Ilyin, Russian religious philosophy, conservatism, national identity, Orthodoxy, “Russian idea”, monarchy, monarchical legal consciousness, imperial Russia, revolution, Russian emigration, White movement, anti-communism, anti-liberalism.

About the authors: **Alexander Arkadyevich Korolkov**

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Institute of Human Philosophy, Russian State Pedagogical University named af-ter. A. I. Herzen, Academician of the Russian Academy of Education.

E-mail: a-korolkov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3385-2587>

Vitaly Yurievich Darensky

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Moscow State University of Technology and Management named after K. G. Razumovsky.

E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2042-5527>

Valery Alexandrovich Fateyev

Candidate of Philological Sciences, member of the editorial board of the Rostok Publishers, St. Petersburg.

E-mail: vfateyev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0279-2542>

Maxim Mikhailovich Shevchenko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History of the 19th – beginning of the 20th Century, History Faculty, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: shevch_mm@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5257-4765>

Arkady Yurievich Minakov

Doctor of Historical Sciences, Professor of Voronezh State University, head of the Voronezh branch of the Russian Historical Society.

E-mail: minak.arkady2010@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2870-1856>

Priest Igor Anatolyevich Ivanov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, Associate Professor, Department of Theology at St. Petersburg Theological Academy.

E-mail: igivan74@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0749-8238>

Vladimir Alekseevich Voropaev

Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov's Moscow State University.

E-mail: voropaevvl@bk.ru

Petr Nikolaevich Bazanov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medialogy and Literature of the St. Petersburg State Institute of Culture.

E-mail: bazanovpn@list.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9634-9068>

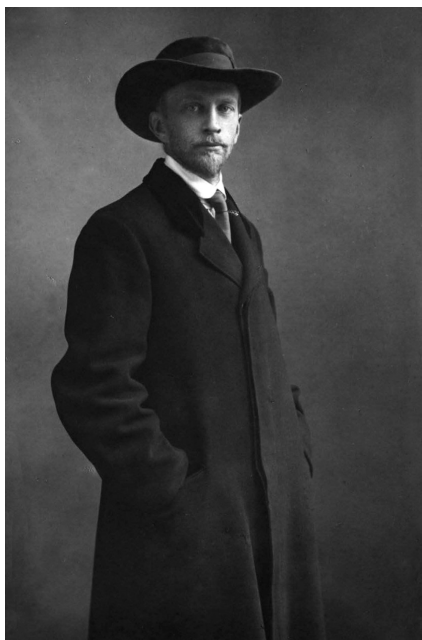
Igor Borisovich Gavrilov

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theology, St. Petersburg Theological Academy.

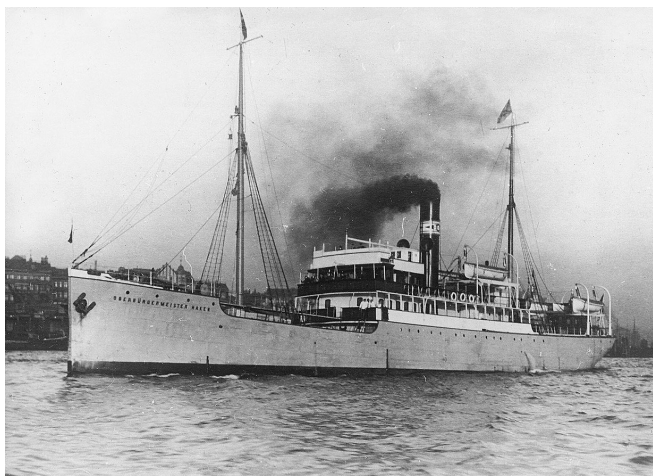
E-mail: igo7777@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3307-9774>

For citation: Korolkov A. A., Darensky V. Yu., Fateyev V. A., Shevchenko M. M., Minakov A. Yu., Ivanov I., priest, Voropaev V. A., Bazanov P. N., Gavrilov I. B. A Leading Exponent of the Russian National Idea. To the 140th Anniversary of the Birth of Ivan Aleksandrovich Ilyin (1883–1954). Materials of the Round Table of the SPbTA Scientific Project “Byzantine Cabinet”. *Russian-Byzantine Herald*, 2024, no. 3 (18), pp. 20–59.



Иван Ильин перед высылкой из России. Москва, 1922 г.



Пароход «Обер-бургомистр Хакен» («философский пароход»)

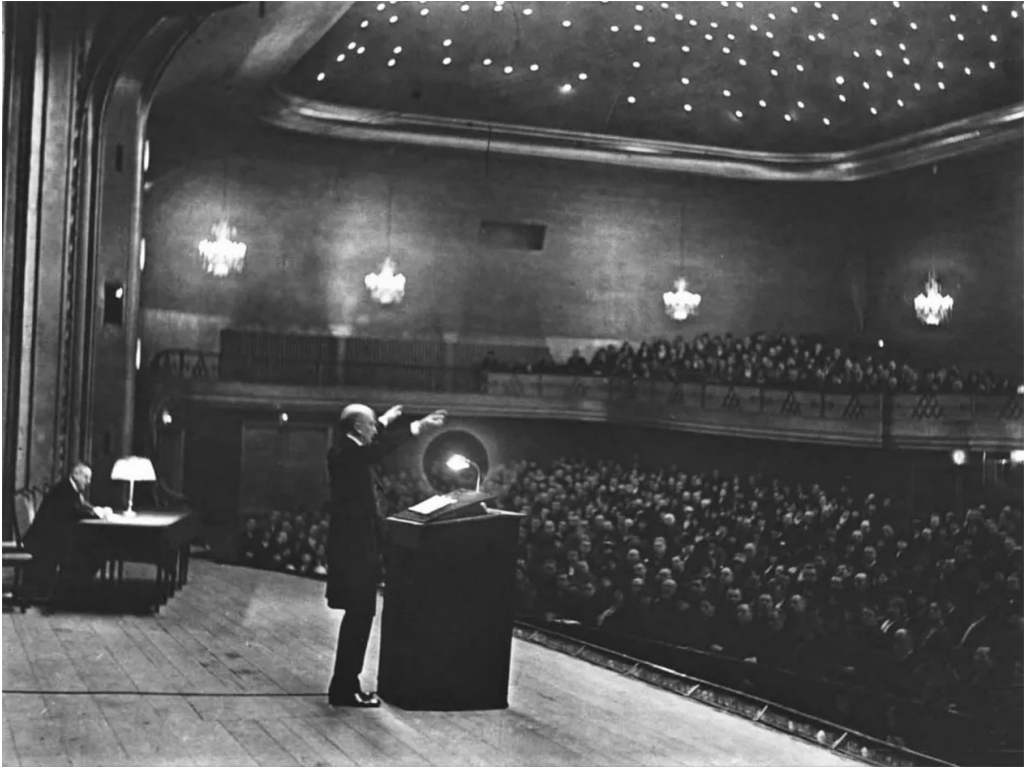
Прошедший 2023 г. был юбилейным для одного из наиболее значительных представителей отечественной религиозно-философской мысли в эмиграции, идеолога Белого движения и критика коммунистической утопии Ивана Александровича Ильина (1883–1954). 10 апреля 2023 г. исполнилось 140 лет со дня его рождения, а 21 декабря наступившего 2024 г. исполнится 70 лет со дня его кончины. Двойной юбилей стал поводом обратиться к анализу богатейшего наследия философа¹.

Близкий друг Ильина выдающийся православный писатель И. С. Шмелев отмечал, что «русская эмиграция... открыла Россию миру, подлинный лик ее: высокую ее культуру». Эти слова, безусловно, относятся как ко всей миссии русских изгнанников «первой волны», так и конкретно к творчеству И. А. Ильина, который особенно много сделал за рубежом для раскрытия духовного облика России.

26 сентября 1922 г. Иван Александрович вместе с супругой Наталией Николаевной Вокач-Ильиной на немецком судне «Обер-бургомистр Хакен» — знаменитом «философском пароходе» — отправился в изгнание из советского Петрограда в германский город Штеттин.

Мыслитель не хотел покидать «больную» Россию: «Мы выехали из России столь же бодрые и духовно-напряженные, сколь сидели там. Эти пять лет я считаю для себя не меньшею милостью Божию, чем завершительное „изведение“ из темницы. Я жил там, на родине, совсем не потому, что „нельзя было выехать“, а потому, что Наталия Николаевна и я считали это единственно верным, духовно необходимым, хотя и *очень* (здесь и далее в текстах материалов круглого стола в цитатах И. А. Ильина сохранены

¹ В современной научной литературе уже неоднократно отмечалось, что обращение к трудам И. А. Ильина стало явно выраженной тенденцией последних десятилетий — см., напр.: Экология культуры: природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве: сб. науч. трудов / Под ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой. СПб.: СПбГУ, 2022. С. 71. См. также: Гаврилов И. Б. К характеристике политической философии И. А. Ильина // Ильинские чтения: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Град духовный, 2017. С. 143–151.



Лекционное выступление И. А. Ильина в Берлине, после 1925 г.

его выделения — *И. Г.*) опасным для жизни. Мы бы *сами и теперь* не уехали бы, ибо Россия в своем основном массиве — *там; там* она болеет, *там же* находит и найдет пути к исцелению. От постели больной матери, лежащей в беспамятстве и судорогах, — *sua sponte*² не уезжают; разве только — оторванные и выброшенные»³.

Именно незнание и непонимание России и Русского мира как уникального самобытного организма стало одной из причин катастрофы 1917 г. Поэтому среди русских эмигрантов было широко распространено такое научно-просветительское и образовательное направление как россиеведение. В рамках исследования России И. А. Ильин прочитал за рубежом сотни лекций, центральной темой которых стали сущность и своеобразие русской культуры, в частности, например, художественной литературы. Вот лишь некоторые названия его речей из цикла «Гении России»: «Александр Пушкин как путеводная звезда русской культуры», «Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни», «Достоевский как человек и характер», «Достоевский как художник», «Достоевский как публицист», «Образ Идиота у Достоевского», «Николай Ставрогин (Достоевский. „Бесы“», «Лев Толстой как истолкователь русской души („Война и мир“», «Мировоззрение Льва Толстого», «Лев Толстой — художник и человек». Бесспорно, И. А. Ильин должен быть признан выдающимся миссионером русской культуры⁴.

² По своему желанию (*лат.*).

³ Ильин И. А. Письмо к П. Б. Струве. 3. XI.1922 // *Его же*. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М., 1999. С. 116.

⁴ К миссионерам русской культуры на Западе можно отнести и русского философа-эмигранта Ф. А. Степуна. См.: *Гаврилов И. Б.* Ф. А. Степун о России и русской философии // *Христианское чтение*. 2017. № 2. С. 345–373.

Кратко остановимся на восприятии философом одного из русских гениев — Ф. М. Достоевского. Безусловно, Ильин видел в Достоевском «великого художника» и «гениального провидца». В докладе «Достоевский как публицист» он стремится раскрыть главную мысль писателя о России, его идеал православной веры: Достоевский, по мнению мыслителя, верит в «русское христианство» как живую духовную силу, «верит во Христа, Которого правильно и всем сердцем принял русский народ»⁵.

В архиве Ильина в Мичигане были найдены две страницы рукописи «Дневник писателя. Разные мои заметки», в которых просматривается сложное и неоднозначное отношение к прозрениям Достоевского. Приведем отдельные тезисы: «Главная сила России — любовь и очищение страданием»; «Общечеловечность категория слабая — он употребляет ее для обозначения метафизическо-и> глубины духа и этим смазывает идею национальной> самобытности — отсюда какая-то экуменическо-универсальная> претензия»⁶.

Одним из программных трудов философа в эмиграции стала книга «О сопротивлении злу силою», вышедшая в Берлине в 1925 г. как православно-патриотический ответ на учение Л. Н. Толстого и его последователей о «непротивлении злу силой». Этот труд Ильин посвятил «белым воинам, носителям православного меча, добровольцам русского государственного тягла». Книга вызвала острую полемику в рядах русской эмиграции: с ее критикой выступили З. Н. Гиппиус, Н. А. Бердяев, Ю. И. Айхенвальд и др.; в поддержку содержащихся в ней идей высказались первоиерарх Русской Зарубежной Церкви митр. Антоний (Храповицкий), архиеп. Анастасий (Грибановский), П. Б. Струве и др.

Показателен ответ Ильина одному из своих главных оппонентов в этом вопросе Н. А. Бердяеву: «Большевики завладели Россией именно потому, что русская интеллигенция была сплошь заражена сентиментально-анархическим неприятием государственности <...>. И вот то, что делают ныне г. Бердяев и его единомышленники, сводится к попытке дать христианско-православную санкцию этому религиозному, умственному и волевому пороку русской интеллигенции... Моя книга не только „восстает“ (т. е. полемизирует), но и утверждает. Поскольку же она „восстает“, то именно против этой традиции, которая продолжает жить и ныне в воззрениях новейших непротивленцев. Эта традиционная интеллигентская установка, делающая себе идола из сентиментальной гуманности, однажды уже предала Россию на поток и разграбление, однажды уже предала Русскую Православную Церковь на поругание дьяволам. <...> А когда св. Патриарх Гермоген подымал своими грамотами Россию на поляков и воров, то это был с его стороны акт христианский и православный или нет? Что же, он „смешивал Церковь и государство“? Что же, он не считал поляков и воров за „человеческие души“? Что же, он не верил в силу покаяния? Или он не знал, что обрекает тысячи „индивидуальных человеческих душ“ на смерть для того, чтобы спасти одно земное царство — Россию? <...> Подумайте только, что было бы с Россией, если бы царь Алексей Михайлович (Тишайший!) стал бы ожидать покаяния Степана Разина и его шаек и ограничился бы молитвой о них?»⁷

С 1927 по 1930 гг. Ильин был редактором-издателем «журнала волевой идеи» «Русский Колокол», целью которого объявлялось «служение самобытной и великой России, а в задачи входило «глубокое и всестороннее обновление духа в русском образованном слое, укрепление русского самосознания и отбор качественных сил». В предисловии к первому номеру журнала философ писал: «И вот, первое, в чем

⁵ Ильин И. А. Достоевский как публицист // *Его же. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. М., 1997. С. 352–353.

⁶ Там же. С. 542. О восприятии творчества Ф. М. Достоевского русскими мыслителями см. также: *Гагрилов И. Б.* Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии.* 2023. № 3 (19). С. 261–262; *Маркидонов А. В.* Богословие и культура: Монография. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. С. 161–192.

⁷ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // *Его же. Собр. соч.*: В 10 т. Т. 5. М., 1995. С. 248, 257.

нуждается Россия, есть религиозная и патриотическая, национальная и государственная идея. Мы должны увидеть идеальную Россию, нашу родину в ее возможном и грядущем совершенстве. <...> И, увидев ее такую, создать те силы, которые осуществят ее, — Россию природных и национальных дарований; Россию великих заветов и заветов; Россию святителей, гениев и поэтов; Россию перед лицом Божиим... <...> Это есть идея великодержавной России, воздвигнутой на основах подлинно христианской, волевой и благородной государственности. Это есть идея: Богу служащей и поэтому священной родины»⁸. Текст заканчивается следующими словами: «России нужен идейный волевой и творческий кадр: рыцарский кадр. И она уже готовит его для себя в лишениях и испытаниях»⁹.

В своих трудах Ильин делал акцент именно на духовном смысле существования России и русской культуры. Для него Россия есть «цепь исторических явлений и образов... земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего Отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик»¹⁰.

Следует отметить, что для Ильина «Отечество» всегда было не столько географическим или этнологическим понятием, сколько духовным. Он подчеркивал, что «только у духовного человека может быть Отечество, а любовь к Отечеству создает различие между человеком и зверем»¹¹. Философ понимал Россию как «единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковой, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический»¹².

Незадолго до смерти Ильин признавался: «Пишу и откладываю — одну книгу за другой и даю их читать моим друзьям и единомышленникам... И мое единственное утешение вот в чем: если мои книги нужны России, то Господь сбережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России»¹³.

В феврале 1955 г. в эмигрантском издании «Вера и Верность» (г. Сан-Пауло, Бразилия) в некрологе отмечалось: «Длиннен, необычайно труден, а в последние годы и физически и нравственно мучителен был путь выдающегося русского ученого и общественно-политического деятеля профессора Ивана Александровича Ильина. Но путь этот был в то же время на редкость плодотворен для настоящего и для будущего России... Данные ему Господом Богом редкие таланты Иван Александрович умножил, и можно не сомневаться, что брошенные им семена воскреснут во благовремении и дадут уже на русской ниве богатые плоды, потому что любовь к России и Русскому Народу горели в его сердце жарким и никогда не угасимым огнем!»¹⁴

Продолжая исконную для русской мысли и центральную для И. А. Ильина традицию познания России, наш научный журнал «Русско-Византийский вестник» специализируется на изучении наследия отечественных религиозных мыслителей. Хочется верить, что подготовленный совместными усилиями современных российских ученых тематический номер «Русско-Византийского вестника», посвященный Ивану Александровичу Ильину, станет важной вехой в восстановлении исторической

⁸ Ильин И. А. Русский фашизм // *Его же*. Собр. соч.: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. М., 2008. С. 40–42.

⁹ Там же. С. 46.

¹⁰ Ильин И. А. Почему мы верим в Россию // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 106.

¹¹ Ильин И. А. Родина и мы. Речь (на торжественном вечере немецкого Красного Креста и общества по изучению Восточной Европы) перед русскими профессорами-изгнанниками 14 ноября 1922 года // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9–10. М., 1999. С. 233.

¹² Ильин И. А. Россия есть живой организм // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 304.

¹³ Ильин И. А. Что нам делать? // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М., 1993. С. 365.

¹⁴ Профессор Иван Александрович Ильин // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. С. 402.



Кабинет Ивана Ильина в Цолликоне (пригород Цюриха, Швейцария), 1955 г.

памяти о нашем великом соотечественнике, внесет новую лепту в возрождение православной России.

Примечательно, что наш журнал обращается к наследию И. А. Ильина впервые, хотя уже неоднократно в нем публиковались материалы о выдающихся современниках Ильина — русских мыслителях начала XX в. (например, его учителя князе Е. Н. Трубецком¹⁵). Предполагается, что настоящий номер положит начало научному исследованию трудов крупнейшего православного философа на страницах нашего издания, которое будет продолжено в следующих номерах.

4 апреля 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии, в рамках деятельности научного проекта «Византийский кабинет», состоялся онлайн-круглый стол «Классик Русской национальной идеи. К 140-летию со дня рождения Ивана Александровича Ильина (1883–1954)»¹⁶. Мероприятие традиционно организовали доцент

¹⁵ См.: *Фатеев В. А.* Князь Е. Н. Трубецкой как критик теократической утопии Вл. С. Соловьева // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 11–32; *Павлюченков Н. Н.* О важных направлениях в сравнительном анализе философско-богословских концепций князя Е. Н. Трубецкого и священника П. Флоренского // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 33–57; *Даренский В. Ю.* «Смысл жизни» князя Е. Н. Трубецкого — «канон» православного экзистенциализма // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 58–82; *Стогов Д. И.* Е. Н. Трубецкой и русские консерваторы: к истории взаимоотношений // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 83–95; *Сокурова О. Б.* Эпоха катастроф и идея «любви собирающей» в религиозно-философских трудах Е. Н. Трубецкого // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 3 (6). С. 96–112. См. также: *Гаврилов И. Б.* К характеристике религиозно-философского мировоззрения князя Е. Н. Трубецкого // *Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии*. 2022. № 3 (15). С. 79–104.

¹⁶ О прошедших ранее круглых столах, посвященных другим видным мыслителям, см.: *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В.* Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // *Русско-Византийский вестник*. 2020. № 1 (3). С. 338–355; *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // *Русско-Византийский вестник*. 2021. № 1 (4). С. 156–175;

кафедры богословия СПбДА, главный редактор «Русско-Византийского вестника» Игорь Борисович Гаврилов и заведующий кафедрой иностранных языков, доцент кафедры богословия СПбДА священник Игорь Иванов. Для обсуждения участника были предложены следующие направления: жизнь и труды И. А. Ильина, И. А. Ильин о роли Православия в духовном возрождении России, роль И. А. Ильина в формировании Русской идеи, философия культуры и философия права И. А. Ильина, И. А. Ильин о национальном и патриотическом воспитании, И. А. Ильин о самодержавии и русской государственности, И. А. Ильин о византийской монархии, Белая идея и миссия русской эмиграции в религиозной философии И. А. Ильина, Религиозно-философское наследие И. А. Ильина и современность.

С докладами выступили: Юрий Трофимович Лисица — доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения Миссионерского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института наследия, составитель и комментатор многотомного (33 тома) Собрания сочинений И. А. Ильина («Русская книга», 1993–2006; Православный свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006–2015; Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, 2018 — наст. вр.); Александра Ивановна Вакулинская — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора истории русской философии ИФ РАН; Александр Аркадьевич Корольков — доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Института философии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, академик Российской академии образования; Галина Викторовна Скотникова — доктор культурологии, академик Академии российской словесности, профессор

Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И. «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166; *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50; *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А.* Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52; *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б.* Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48; *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35; *Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б.* «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175; *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240; *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б.* О деятельности «Византийского кабинета» в 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 241–259; *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуилов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б.* Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.

в трудах и лекциях И. А. Ильина. Он заявлял однозначно: «Где нет души — нет и философствования... Философия есть делание душевно-духовное. Дух — это прежде всего то, что значительно в душе. И философия есть не душевное, а духовное делание»¹⁷.

Ильин указывал пути духовного делания и в философии, и в искусстве, и в науке, и в праве. О чем бы ни писал Ильин — все пронизано светом духовности. Этот свет единил его с православным писателем Иваном Сергеевичем Шмелевым. «Переписка двух Иванов» дает ясное представление об истинном искусстве и философии как рожденных из единого родника — религии. Глубина и проникновенность рассказа Шмелева о явлении в октябре 1925 г. святого Сергия Радонежского могли быть в полной мере оценены только православным философом: «Вы выговариваете закон потустороннего бытия — нет времени, все сразу, нет пространства, все вместе и рядом, это так и есть»¹⁸, — ибо явление произошло одновременно и на Поле Куликовом, и в Сергиевом Посаде.

После чтения переписки Ильина и Шмелева я выразил свое восхищение объемом и красотой их личного общения, на что писатель Валентин Распутин откликнулся так: «Конечно, удивительно: как, какими силами и в какие часы, ворочая горы трудов, ворочать еще и горы писем! Да, но другой масштаб. Остатки великих еще XIX века, да нет, не остатки, а продолжение, с ними же и закончившееся. В конце XX подобных уже не было, а в XXI и не будет. Крайнее напряжение физических и духовных сил возможно только в двух случаях — в пору расцвета культуры и в случае насильственного отторжения от родного. Души расширяются неимоверно»¹⁹.

Надежды на процветание России Ильин связывал с внутренним ее потенциалом. Возражая евразийцам, И. А. Ильин писал, что у них «весь вопрос о самобытной духовной культуре сводится к тому, куда именно надо всем шарахнуть: вот двести лет (якобы) шарахались на Запад; ясно, что вышел провал; значит — надо шарахнуться на Восток... Обезьянничал у Запада — ясно, начинай немедленно обезьянничать у Востока. Разве самобытность не в том, чтобы быть перед Лицом Божиим — самим собою, а не чужим отображением и искажением? Ни Восток, ни Запад, ни Север, ни Юг... вглубь надо; в себя надо; к Богу надо!»²⁰

В. Ю. Даренский: Философия как религиозная аскеза в концепции И. А. Ильина

Философия есть наука, вырастающая из духовного опыта.

И. А. Ильин

Понимание И. А. Ильиным природы и цели философского познания представляет большой интерес. В целом в нем можно найти аналогии с концепциями природы философии у других мыслителей Серебряного века, однако оно весьма оригинально в своих формулировках. Кроме того, у И. А. Ильина был проект будущей русской философии — как часть проекта будущей России, которая освободится от большевизма и станет на путь православного возрождения. Это «пророчество» И. А. Ильина уже в какой-то мере сбывается в наше время, и поэтому стоит рассмотреть его изначальный замысел.

В 1924 г. в Париже вышла небольшая книга И. А. Ильина «Религиозный смысл философии: три речи», в которую вошли три его лекции, прочитанные в 1914–1923 гг.

¹⁷ Ильин И. А. Философия как духовное делание // *Его же*. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М., 2014. С. 51–52.

¹⁸ Ильин И. А. Переписка двух Иванов // *Его же*. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М., 2000. С. 261.

¹⁹ Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. СПб., 2018. С. 234.

²⁰ Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание? // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. С. 24–30.



Иван Ильин за рабочим столом, 1951 г.

Формулировка «религиозный смысл философии» является слишком общей и подошла бы почти для любого русского философа Серебряного века. В чем же особая специфика концепции И. А. Ильина? В лекции «Философия как духовное делание», прочитанной им еще в 1914 г., давалось такое определение: «Философия есть делание не внешнетелесное, а внутреннедушевное. Но и этого мало: это есть делание не просто душевное, но *душевно-духовное*. Душа — поток обыденных переживаний, чувств, болевых ощущений, приятных и неприятных состояний, воспо-

минаний и забвений, деловых соображений и т. д. Дух — это прежде всего душа, когда она живет своими лучшими слоями и силами, устремленными на познание истины, созерцание красоты, совершение добра, обращение к Богу»²¹. Таким образом, здесь философия фактически определяется как разновидность аскезы, т. е. внутренней работы души, которая осуществляется силами разума.

Далее И. А. Ильин разворачивает эту формулировку следующим образом: «Кто хочет понять, в чем сущность философии, должен приучить себя к мысли, что душа и дух — не одно и то же. Дух — это прежде всего то, что значительно в душе. И философия есть не душевное, а духовное делание»²². А «истинное философствование есть деятельность души, культивирующей духовное в себе»²³; «философствование есть служение в духе»²⁴. Выражение «служение в духе» означает, что философствование является неким аналогом молитвы.

Так же, как это происходит и в молитве, «философствуя, человек имеет перед своим внутренним взором предмет незримый, неслышимый, нечувственный, нематериальный»²⁵. Однако есть два отличия от молитвы: во-первых, философия только в конечном итоге обращена к Богу как своему высшему Предмету мысли, а начинается она с созерцания тварного мира; во-вторых, философ в первую очередь полагается на работу и силу своего самостоятельного разума, в то время как в молитве человек взывает благодати Божией и смиряет свой ум перед ней. Как пишет И. А. Ильин, «предмет свой философ должен сам одиноким и самостоятельным напряжением вызывать силою воображения и ставить его перед собою»²⁶. И здесь еще одно отличие от молитвы: в молитве не должно быть никакого «воображения», которое является здесь «прелестью»; по отношению же к философии И. А. Ильин применяет термин «воображение», но в особом смысле: не как представление неких «картинок», но, наоборот, как способность удерживать в сознании идеальные смыслы. («Философия начинается там, где мы перестаем мыслить картинками», — скажет потом М. К. Мамардашвили.)

Философия есть приобщение сознания к подлинной, единой для всех реальности, которую люди могут не знать в силу своей привязанности к обыденности

²¹ Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. С. 51.

²² Там же. С. 52.

²³ Там же. С. 54.

²⁴ Там же. С. 55.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 56.

и материальному миру (здесь работает платоновский «миф о пещере»): «Философия имеет, вне сомнения, свой объективный предмет и свои добытые о нем непоколебимые истины... Если думать, что философствование есть занятие, насыщенное субъективностью, произволом и усмотрением, — то деградация ее обеспечена»²⁷. Философия возможна только как борьба сознания с собственной субъективностью, поэтому «сомнение есть путь к углублению знания и углублению личной душевной жизни»²⁸.

Если обобщить все приведенные выше признаки философии, то она оказывается не чем иным, как аналогом обряда духовной инициации, существовавшей во всех традиционных культурах. После того, как исчезли эти обряды, духовно ищущий современный человек пытается заменить их чем-то другим, что выполняло бы ту же функцию духовного посвящения в истинную реальность. В первую очередь — с помощью философии.

Собственно, изначально такого разделения даже и не было, и древние философские учения были не чем иным, как разъяснением эзотерических культов, в которых центральное место занимали обряды инициации. Такой подход к возникновению и ранней истории философии развивал литовский философ Альгис Уждавинис (1962–2010) — автор книги «Философия как обряд перерождения: от Древнего Египта до неоплатонизма» (2008)²⁹. Развивается он также и в наших работах³⁰. Но фактически он реализован и у И. А. Ильина.

Если в лекции 1914 г. был изложен именно инициационный исток философии, позже в статье «О возрождении философского опыта» показано уже дальнейшее его развитие. Здесь И. А. Ильин призывает превратить «философию в духовное художество»³¹. Но изначально ведь «духовным художеством» именовался монашеский подвиг и молитва. Более того, он пишет о том, что истинной делает философию «преданность духовному Предмету», превращающая ее в «подлинное богослужение»³². Слово «богослужение» здесь употреблено в его прямом смысле — как служение Богу, а не как обряд. В итоговой своей книге «Путь к очевидности» он дает одно из определений философии: это «наука, требующая от человека особого духовно-религиозного опыта и особого описательного художества»³³. В этом и состоит тот специфический род служения Богу, которым занимается философия.

Поэтому И. А. Ильин выделяет следующий критерий подлинно философского познания: «Философу всюду дается его предмет, где у него есть ощущение, что его касается Божий луч»³⁴. Отсюда — «философия есть наука, вырастающая из духовного опыта. И первая задача ее состоит в том, чтобы растить и крепить свой опытный акт»³⁵. Соответственно, «таков настоящий путь (или „метод“) философа. На этом пути обновится и расцветет будущая русская философия, и тогда она перестанет праздно умствовать и предаваться соблазнительным конструкциям. Основное правило этого пути гласит так: сначала — быть, потом — действовать, и лишь затем, из осуществленного бытия и из ответственного, а может быть, и опасного, и даже мучительного делания, — философствовать»³⁶.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 58.

²⁹ См.: *Uždavinys A. Philosophy as a Rite of Rebirth: From Ancient Egypt to Neoplatonism. The Matheson Trust and Prometheus Trust, 2008. 165 p.*

³⁰ *Даренский В. Ю.* Об «инициационной» парадигме в историко-философских исследованиях // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2018. Т. 4 (1–2). С. 95–116; *Его же.* Компенсаторная функция философии в секулярной культуре // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2020 г. Челябинск, 2020. С. 322–327.

³¹ *Ильин И. А.* Религиозный смысл философии: три речи, 1914–1923. Париж, 1924. С. 114.

³² Там же.

³³ *Ильин И. А.* Путь духовного обновления. М., 2011. С. 408.

³⁴ Там же. С. 409.

³⁵ Там же. С. 414.

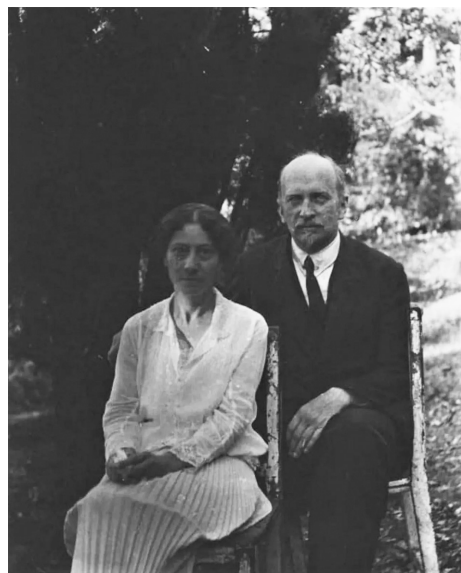
³⁶ Там же. С. 416.

Этот принцип — «сначала — быть, потом — действовать, и лишь затем — философствовать» — является не чем иным, как инициационным пониманием природы философии, рождающейся из бытийного опыта и духовного прозрения, которое переходит во внутреннюю работу души и во внешнее жизненное подвижничество. И уже только после этого возникает философия как их осмысление. В противном случае человек обречен лишь «праздно умствовать и предаваться соблазнительным конструкциям». И. А. Ильин предостерегает от этого пути, с Нового времени господствующего в западной философии. Поэтому призванием русской философии является возвращение на путь подлинности, который всегда открыт.

В. А. Фатеев: «Я живу только для России»: Иван Ильин и «русская идея»

Россия чтит память Ивана Александровича Ильина как одного из самых верных, самых глубоких и вместе с тем самых решительных своих умов. Он не боялся ставить острейшие проблемы и решал их со смелостью, достойной христоролюбивого духовного воина. Его творческая личность представляет собой уникальный сплав глубокой религиозности, аналитического философского ума, сердечного чувства и публицистической актуальности.

Профессор философии права, социальный мыслитель, исследователь философии Гегеля, он стал одним из духовных лидеров оппозиции безбожному духу большевистского переворота. Будучи высланным из горячо любимой им России, он вырос на Западе в крупнейшего представителя консервативного крыла русской философии зарубежья.



Супруги Наталья и Иван Ильины
в эмиграции, 1927 г.

Россия навсегда осталась в сердце мыслителя, и он неизменно осознавал себя ее частицей. Тема России, размышления о ее прошлом, настоящем и будущем — главная в творчестве Ильина. Переживая в изгнании трагедию утраты физической связи с родиной, Ильин в небольшой книжечке «Родина и мы» (1926), ставшей своего рода манифестом Белого движения и патриотической части русской эмиграции, заявляет: «От родины оторваться нельзя. <...> Мы должны найти в себе, углубить и укрепить свою русскую природу, свою „русскость“, так, чтобы через „пустоту“ и „темноту“ видимого и мнимого „отрыва“ от России засиял свет подлинного единения и глубинного единства с нею. Мы оторваны от родной земли именно для того, чтобы найти в себе самих родной дух. <...> Да живет же наша чудесная Россия!»³⁷

Укрепление своей русскости и донесение этого духа верности России до читателей были одной из главных задач всего эмигрантского творчества Ивана Ильина. Важнейшее место в этом осмыслении и продвижении национального начала занимала так называемая «русская идея», которая со времен славянофильства составляет квинтэссенцию темы развития русского национального самосознания. В статье «О русской идее» Ильин так формулирует это понятие, которое одновременно характеризует

³⁷ Ильин И. А., проф. Родина и мы. Белград, 1926. С. 3–16.

национальное начало и представляет собой творческую задачу: «Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русской, национальной. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время — русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благодатную силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...»³⁸

Русская идея в трактовке Ильина есть нечто простое и ясное, «идея созерцающего сердца», воспринимаемая не только разумом, но и чувством, духовная сила, а прежде всего — идея духовного самосознания русского народа, неразрывно связанного с идеей укоренения в православном христианстве. Творческой силе русской души, русской истории, согласно Ильину, открылось живое созерцание, основанное на любви и вере: «Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца...»³⁹

Совсем иное мнение имел о русской идее Владимир Соловьев, которому некоторые исследователи приписывают введение этого термина, встречавшегося уже у славянофилов. Соловьев видел миссию русского православного народа, его религиозное предназначение как народа христианского, в том, чтобы принести «национальный эгоизм» в жертву на алтарь Вселенской церкви, то есть пойти под начало Верховного Первосвященника, или папы римского.

Автор известной книги «Русская идея» Николай Бердяев рассматривал это понятие как русский мессианизм, противоречивое, двойственное явление, включающее в себя комплекс самых разных идей, от концепции Москвы — третьего Рима и идеи «народа-богоносца» Достоевского до «хилиастического революционного мифа».

Для Ивана Ильина, как уже сказано, русская идея неотделима от Православия. Он убежден, что Православие составляет духовную основу русского самосознания. В статье «О русской идее» Ильин подчеркивает, что эта идея не может быть выдуманной или искусственно созданной. Ее возраст равен возрасту исторической России, а ее религиозным источником является заимствованная из Византии православно-монархическая идея.

Наиболее полно выразились взгляды Ильина по вопросу «русской идеи» в лекции «О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта)» (1940). В этой развернутой рецензии на сочинение немецкого мыслителя Вальтера Шубарта «Европа и душа Востока» (1938), в котором взаимоотношения Запада и России рассматривались без обычной для западных авторов предвзятости и даже с любовью к России, Иван Ильин имел возможность затронуть более глубокие вопросы русского национального самосознания. Сам автор книги, поставивший своей целью давнюю мечту европейских мыслителей раскрыть «загадочную русскую душу», изложил свою концепцию «русской идеи», особенно подробно остановившись на взаимоотношениях России и Запада.

Ильин всячески подчеркивает достоинства труда немецкого автора, сумевшего увидеть многие отличительные черты русского народа. Для сопоставления Ильин приводит цитаты из одной немецкой книги 1925 г. о русской литературе, полной неприязни к России и русским, в которой «перемешаны невежество, легкомыслие и зложелательное презрение»⁴⁰. Ильин не без иронии отмечает, что презрения высокомерного германца Россия удостоилась прежде всего за свой православный дух.

Однако Ильин не совсем принял и концепцию книги Шубарта, хотя отметил, что в ней впервые за долгие годы о России высказано немало точных положительных суждений. «Много тонкого и верного сказал он о русской душе, но русского духа не постиг»⁴¹. По мнению рецензента, автор книги прошел мимо самого главного — Православия. Характерно, что отвлеченные построения немецкого мыслителя Ильин, исповедующий,

³⁸ Ильин И. А. О русской идее // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 419.

³⁹ Там же. С. 422.

⁴⁰ Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 377.

⁴¹ Там же. С. 397.



Вальтер Шубарт (1897–1942) и русский перевод его книги «Европа и душа Востока», выпущенный эмигрантским издательством «Посев» в 1947 г.

в русле славянофильства, мысль, пропущенную через сердце, называет «бердяевщиной»⁴².

В связи с рассуждениями немецкого автора об исторических событиях Ильин делает обширный экскурс в историю русского национального самосознания и показывает, что Европа не понимает непохожего на нее восточного соседа и боится его из-за огромных размеров России. Предпосылки для развития нашей самобытности Ильин видит в национальном своеобразии, непохожести русского народа на другие: «...наше своеобразие — от славянской крови и славянской души, не похожей ни на монгольство, ни на романство, ни на германство»⁴³.

Дальнейшее развитие национального своеобразия Ильин обуславливает влиянием на русский народ принятия Православия.

Согласно Ильину, процесс исторического развития России происходил от национального своеобразия — к национальному самосознанию, которое проявилось в полной мере только в XIX в.

Прослеживая ход русской истории, мыслитель связывает развитие национального самосознания с реформами Петра: «Небесное и земное разделились в русском самочувствии: русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского самосознания»⁴⁴.

Ильин так обозначает путь духовного развития России: «России и русскому духу предстоял новый путь: различить в культурном творчестве церковное и религиозное, открыть себе доступ к светской цивилизации и светской культуре и внести дух религиозный, христианский, иоанновский в создание своей светской цивилизации и светской культуры»⁴⁵.

«Русская идея» для Ильина — прежде всего национально-православная идея. Он ищет формулы для мысли об отличии русского народа от европейских народов и о значении Православия, которые были с гениальной зоркостью высказаны еще Пушкиным. Ильин пишет о задаче сформулировать русскую православную идею: «Прошло сто лет с тех пор, как Пушкин высказал это, и мы до сей поры ждем этой формулы — русской православной формулы для русской православной идеи»⁴⁶. Помимо Пушкина и Данилевского, он охотно цитирует Ивана Киреевского, Хомякова и других национально и православно ориентированных авторов.

«Мы — народ, хранящий единственную верную веру, живущий ею и призванный соблюдать ее до Второго Пришествия Спасителя; родина наша, Россия, — страна верного народа; цари наши — правоверные и благоверные; Церковь наша — святая, соборная, апостольская; войны наши — за правую веру, не чтобы навязать ее другим, а чтобы у нас ее не отняли»⁴⁷.

Ильина часто, особенно после книги «О сопротивлении злу силою», считают консервативным радикалом, сторонником крайне правых воззрений. Однако

⁴² Там же. С. 378.

⁴³ Там же. С. 399.

⁴⁴ Там же. С. 408.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 389.

⁴⁷ Там же. С. 406.

действительно будучи горячим защитником монархической и православной России, он, при всей остроте своих публицистических заявлений, старался избегать крайностей консерватизма.

Так, его миновал даже соблазн, которым грешили многие близкие ему по духу отечественные мыслители, от славянофилов до Достоевского. В рецензии на книгу Шубарта Ильин недвусмысленно выступил против идеи национального мессианства, которую иногда считают чуть ли не основой всей «русской идеи».

Русский философ не принял книгу иностранца, «открывшего мессианскую национальную мечту наших славянофилов, уверовавшего в нее и предлагающего нам осуществить ее под водительством католической церкви»⁴⁸. По мнению Ильина, в мессианской мечте Шубарта, которую он предполагает нам осуществить под руководством папы римского, проявляется влияние иудаизма и римского католицизма, а не черты подлинного Православия.

Призывание же России, «русская идея», по Ильину, состоит в ином: «И вот судьба России, ее призвание, ее национальная идея, ее культура и определились этим заданием: создать *новую восточно-христианскую культуру, новую русско-национальную творческую идею и новое русско-национальное самосознание*»⁴⁹.

По сути дела, Ильин выступает здесь не только и не столько против мечты славянофилов, сколько против теократических идей Вл. Соловьева, хотя внешне в его критике соблазна духовно спасать другие народы есть сходство с позицией Соловьева — автора прокатолической брошюры «Русская идея». Видя в этой апологии мессианства самообольщение, соблазн «национальной гордыни» и заимствование от гордого европейского духа, Ильин считает такую идею возноситься над другими народами и учить их уму-разуму особенно несвоевременной в период трагических страданий Отечества: «...мы, русские, призваны сейчас к *смирению, трезвению и к покаянному самоочищению*»⁵⁰. «Нам предстоит долгий путь очищения и покаяния, обновления и нового строительства; *всенародного воспитания и культурного обновления*. К этому делу мы должны приступить со *скромностью и смирением*, а не с *настроением мессианской гордыни*»⁵¹.

По этой причине Ильин выражает мнение, что книга Шубарта о России, которая полезна для Запада тем, что содержит правдивые размышления о русском народе, в русские умы может внести «соблазн и совращение»⁵².

Ильин показал себя здесь не фанатичным реакционером, каким его представляли, а думающим наперед, даже осторожным мыслителем, и это был не единственный его подобный поступок. Так, в период, когда антисоветские настроения на Западе стали перерастать в намерения способствовать попыткам разделения России, Иван Ильин, воспринимавший Россию как целостный организм, благоразумно предупреждал, что подобные замыслы чреватy катастрофическими последствиями⁵³. Трагические последствия распада Советского Союза показывают, насколько прав был русский философ в своих предчувствиях и предостережениях. Современные угрозы целостности России еще раз подтверждают, как актуальны сочинения Ильина по национальному вопросу для наших дней.

Русская национально-православная идея Ильина обращена в будущее. Согласно Ильину, России было предначертано две задачи: «*Воспитание нового русского, творчески-христианского характера и правосознания; создание новой светской русской культуры в духе иоанновского христианства*»⁵⁴.

Выполнение этих задач, считает Ильин, было уже начато, и дело шло к их планомерному осуществлению. Хотя война и революция остановили их воплощение

⁴⁸ Там же. С. 411.

⁴⁹ Там же. С. 409.

⁵⁰ Там же. С. 412.

⁵¹ Там же. С. 414.

⁵² Там же. С. 413.

⁵³ См. статьи И. А. Ильина «О расчленении России» и «Что сулит миру расчленение России?» в т. 1. книги «Наши задачи».

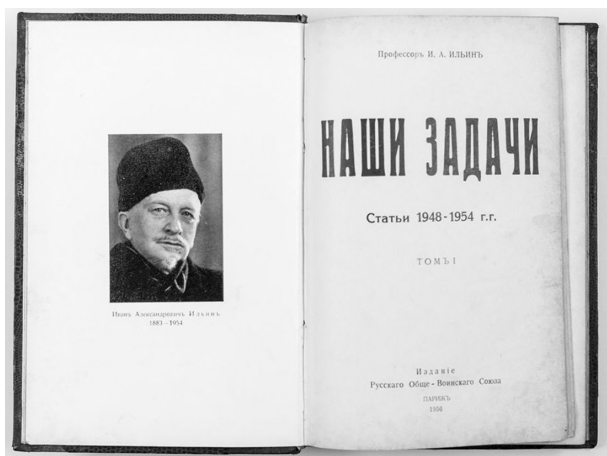
⁵⁴ Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта). С. 410.

в жизнь, мыслитель верит, что в настоящее время это осуществление «русской идеи», дело возрождения подлинной России лишь отсрочено: «Война и революция сорвали это дело и отложили его, отсрочили его осуществление. Да, именно отсрочили. Ибо России нет другого пути. И она возьмется за это дело. Вечных революций не бывает»⁵⁵.

Горячие, идущие из глубины сердца сочинения Ивана Ильина, каждой своей строчкой, каждой мыслью обращенные к будущей, возрожденной России, ныне обрели на родине мыслителя своих многочисленных и благодарных читателей.

М. М. Шевченко: Исторический опыт императорской России в политической философии И. А. Ильина (Предварительные соображения)

Иван Александрович Ильин — одна из центральных фигур в русской политической философии XX в. Занимаясь своими фундаментальными исследованиями, он не терял из виду актуальных политических событий и процессов, внутри которых в той или иной степени находился, реагируя на них своей публицистикой. И, хотя бывал неточен в определении очередной наступающей конъюнктуры, обладал незаурядной глубиной и проницательностью в оценке продолжительных исторических процессов



Сборник статей И. А. Ильина «Наши задачи» (1956)

в связи с перспективой будущего, исходя из утверждения гражданской интеллектуальной ответственности русского ученого, погруженного в «философию как духовное делание».

Его наследие не содержит исследований, выполненных по правилам и принципам исторической науки, но публицистика полна синтетических концептуальных наблюдений и суждений о давнем и недавнем русском историческом прошлом. Они характеризуют прежде всего главные черты ушедшей в прошлое России периода Империи и клонятся к выражению непреложных аксиом политического существования России в принципе,

в связи с чем раскрываются причины русской национальной революционной катастрофы XX в. и перспективы преодоления ее последствий.

Иван Ильин как публицист по сей день находится на острие борьбы за отечественное самосознание в самом широком понимании этих слов, — на его имя обрушиваются потоки клевет, инсинуаций, диффамаций слева, и вряд ли будет ошибкой сказать, что в этом отношении он как историческая фигура уступает лишь, пожалуй, Александру Солженицыну. Тем важнее объективное и непредвзятое изучение его наследия.

(1) **Рождение России императорской** — петровский переворот в русской истории — непереоценимо в своем положительном историческом значении. Это выход русского сознания на широкие культурные просторы, окончательное преодоление элементов провинциальной замкнутости с сохранением корней своей идентичности, предпосылка творческого подъема русского духа с опорой на свою православно-христианскую сущность. Выход, обогативший русскую культуру и умением различать

⁵⁵ Там же. С. 410–411.

религиозное и церковное: если Церковь — это солнце, то религиозность суть его лучи, наполняющие светом все культурно-созидательные проявления, каждое благое человеческое деяние. У этого поворота стоит гениальная личность — Петр Великий, открывающий вселенские, универсалистские перспективы русской культуре. Русский народ вместе с ним проходит через важнейший опыт критики самого себя, «уважения к врагам и смирения в победе». Перед Россией ставится задача взять все лучшее, что есть в человечестве в прикладном смысле, чтобы творчески-самобытно сделать сколь можно совершеннее, без чего невозможно защитить и утвердить себя в своих высших ценностях, православным христианством обусловленных. При этом Запад, западная культура, западная цивилизация здесь понимается как просто исторический регион, как лидирующая часть человечества сугубо в данный исторический момент или историческую эпоху, как точка или как отрезок, значение которого не следует фетишизировать, но — лишь отдать должное конкретно-объективному превосходству постольку, поскольку оно существует. Никакие грехи Петра Великого против Церкви или светской русской старины, интерпретируемые в славянофильском или карамзинском духе, всего этого не отменяют.

(2) Все особенности и **причины русской революции**, понимаемые в марксистско-позитивистском духе: крестьянский вопрос, рабочий вопрос, проблему гражданской и политической свободы, — Ильин интерпретирует как естественное развитие отечественной цивилизации, которая конкретно-исторически шла по пути разлома, то есть через конкуренцию со стороны секуляризованной, безбожной интеллигенции, мечтавшей «вырваться из истории» вообще или лишь из русской в частности, порвать с исторической русской государственностью, строить Россию без Бога. Это была конкуренция с духом истинной цивилизованности, культурности, традиции, консерватизма. Ильин впервые пытается выделить и сформулировать проявившуюся в истории социальную идею русских монархов. Она обозначается как надсословная сверхзадача, очевидная с первых актов, внешне раздававших прописанные сословные привилегии, за которыми дальше шел процесс постепенного освобождения крестьян. Начиная с первых намеков императора Павла I, желаний и поисков Александра I, осторожных движений Николая I, а, затем, начиная с отмены крепостного права, шла реализация постепенного *превращения крестьянства России в класс свободных земельных собственников*. Завершением этого процесса должна была стать, если бы она завершилась, Столыпинская аграрная реформа. Это непрерывный процесс, шедший сквозь весь XIX в. Со становлением частной крестьянской земельной собственности как обязательным условием были связаны шансы императорской России на осуществление ее «демократических возможностей», перспективы политической демократии, погубленные Февральской революцией. Аграрный вопрос в любом случае органически и естественно-исторически созидательно решался на путях свободы. Крестьянин относился к своему общинному быту так, как сам того хотел: добровольно обособлялся, сохранял старое или добровольно объединялся в новые коллективные формы.

(3) **Внешняя политика императорской России**, по Ильину, противоположна советской тем, что не несла в себе никакой революционной экспансии в окружающий мир. Традиционно русские монархи так или иначе придерживались политики равновесия сил среди ведущих держав мира, делая это последовательнее, чем их западные конкуренты и партнеры. Любителям укорять русских монархов в том, что они-де вмешивались-воевали за «чуждые России» европейские дела и интересы, Ильин отвечал, что «дипломатически и культурно» уйти из Европы было равносильно самопредательству, значило предоставить возможность Западу объединиться в той или иной форме всегда за счет России и против России. «Строить Россию мировым равновесием сил», не допуская ее провала в стихию революции и анархии, повышая уровень ее культуры и правосознания, поддерживая ради этого европейское (мировое) равновесие сил и длительное замирение — такова основная идея мировой политики императорской России, — полная противоположность «советскому революционному завоевательству». В связи с этим, по Ильину, не выдерживают критики

попытки увидеть, например, в И. В. Сталине «русского царя», игнорируя очевидность присутствия неизбывной революционной составляющей его политики.

(4) Политическая тактика **Февраля и либерального движения** в России в начале XX в. совершенно не понимала характера и качества тогдашнего, исторически сложившегося, русского правосознания в его текущей эволюции и не считалась с ним. «В русском либерале дремал сентиментальный анархист» с характерным для него инстинктивным отвращением ко всякому насилию и принуждению в политике. Антигосударственная природа леволиберального движения предопределила разрушительный характер политического поведения «февралистов», погубивших демократические возможности тогдашней России. Скрытое или явное, стихийно ползучее или организованное «непротивленчество» было одной из тяжких, системных и глубоких, политических болезней русской интеллигенции, патологией интеллигентского гуманизма, ведшего страну к катастрофе. Альтернативой могло стать или взятие власти малогуманными и малоинтеллигентными политическими группами, вроде тоталитарно организованных большевиков, — власть «попущением Божиим», или же огосударствление интеллигенции по примеру А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского с готовностью творчески вложиться в социально-политическую идею реформ второй половины XIX — начала XX вв., идущих от императорского всероссийского престола — власти «Божией милостью». Заведомо провокационный инсинуаторско-диффаматорский характер поведения либеральной оппозиции по отношению к монархии, подтвержденный лично из уст ее корифеев в частном общении, был для Ильина шокирующим открытием.

(5) **Политические правые** в России оказались не способны подняться выше партийных пристрастий к общенациональному уровню и масштабу, не допустить колебания властной уверенности в правоте своего положения и своей миссии у последнего царствовавшего монарха и правящей династии. Несмотря на широкую первоначальную поддержку в 1905–1907 гг., к 1917 г. их значение почти сошло на нет. Ильин не считал императора Николая II выдающимся монархом, не был чужд распутинского мифа, на который, как известно, «повелся» и ряд правых политиков, и сухомлиновского мифа. Здесь он склонен был опираться на известный очерк В. И. Гурко «Царь и царица», историческую же работу С. С. Ольденбурга о последнем царствовании он воспринял не без известного скепсиса. Но, конечно, никак не мог быть равнодушен к трагической судьбе Николая Александровича: император со своей семьей «запечатлел кровью» свою верность России на фоне клеветнических слухов об измене в пользу вражеской Германии, распускаемых либеральной оппозицией. Ошибка отречения императора от престола была моментом в процессе постепенного угасания русского монархического правосознания или отражением данного процесса, дальнейшая судьба которого скрыта в тумане будущего.

Многочисленные труды историков последней четверти XX — первой четверти XXI в., не знакомых с произведениями И. А. Ильина, в том числе не знающих или отторгающих его и до сегодняшнего дня по вненаучным мотивам, подтверждают историческую картину политических судеб России XIX — первой половины XX в., кратко начертанную им за полстолетия или три четверти столетия до появления их трудов.

Критическое изучение и адаптация наследия И. А. Ильина, в особенности его концепции монархического и республиканского правосознания, представляются весьма ценными сегодня в том числе и поэтому.

А. Ю. Минаков: О некоторых ключевых эпизодах биографии

И. А. Ильина и его центральных социально-политических идеях

Иван Александрович Ильин — философ, правовед, религиозный мыслитель, который входил в когорту блестящих представителей интеллектуальной русской элиты XIX в. Его наставниками, единомышленниками, соратниками и друзьями были такие известные деятели русской науки, политики и культуры, как П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, П. Б. Струве, И. С. Шмелев, С. В. Рахманинов и многие другие.

Иван Ильин родился в дворянской семье в Москве в 1883 г. Окончив в 1901 г. лучшую в городе Первую гимназию с золотой медалью, он поступил на юридический факультет Императорского московского университета, где, избрав в качестве наставника видного философа и правоведа П. И. Новгородцева, изучал философию права.

Окончание Ильиным университета совпало с периодом смуты 1905–1907 гг. Одно время, как и большинство русских интеллигентов, подверженных тогда влиянию «левых ценностей», он, не оставаясь в стороне от событий, участвовал в студенческих демонстрациях и митингах, подвергаясь кратковременным арестам и даже храня у себя дома бомбы, предназначенные для диверсий террористов. Однако юношеская «левизна» быстро прошла, и вплоть до 1917 г. Ильин стоял на позициях, которые обычно характеризуют как праволиберальные.

В 1906 г. он окончил юридический факультет и по рекомендации П. И. Новгородцева и Е. Н. Трубецкого остался при университете для подготовки к профессорскому званию на кафедре энциклопедии права и истории философии права. Новгородцев свидетельствовал, что Ильин проявлял «совершенно выходящую из ряда трудоспособность»⁵⁶. За время обучения в магистратуре он усиленно штудировал мировую философскую классику, писал работы о Платоне, Аристотеле, Руссо, Фихте, Гегеле и др., читал лекции на Московских высших женских юридических курсах, в Московском коммерческом институте, на юридическом факультете Московского университета.

В 1911 г. Ильин выехал в научную командировку в Западную Европу, где слушал лекции Гуссерля, Зиммеля, Риккерта и других философских знаменитостей той эпохи. В 1912 г. он возвратился в Россию, в Москву. Главным объектом его научных исследований стала философия Гегеля, к которой он увлеченно искал «ключ».

Февраль 1917 г. Ильин встретил в тщетной надежде, что революция избавит государство от мнимого разложения. Какое-то время он поддерживал Временное правительство и выступал за созыв Учредительного собрания. Захват власти большевиками привел к резкому изменению мировоззрения Ильина. Распад государства, чудовищный террор, беззаконие и произвол, кровавый утопизм новой власти заставили его резко «поправиться».

Годы, проведенные в советской России, не прошли для Ильина даром, — именно



Иван Ильин после окончания гимназии, 1901 г.



Иван Ильин. Москва, 1909 г.

⁵⁶ Цит. по: Томсинов А. В. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М., 2012. С. 26.

они дали своеобразный творческий импульс, действие которого ощущалось на протяжении всей его жизни. Так, он писал П. Б. Струве: «Если Вы думаете, что там у нас был духовный застой, — то Вы глубоко ошибаетесь. Нет, там была огромная адская кузница духа; молот сатаны отбирал драгоценные камни от шлака и уцелевшие под его ударами получали новый луч — черный, в своем первоначальном, белом, сверкании. Без этого черного луча — все души бессильны бороться с сатаной. Я каждый день благодарю Бога за то, что он приобщил меня этому трагическому процессу, этой сатанинской плавильне, исполненной мистериозно-космического значения»⁵⁷.

В мае 1918 г. Ильин защитил диссертационное сочинение по философии Гегеля. В том же году вышли два тома его фундаментальной книги «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». При этом философ шесть раз арестовывался ВЧК по делам о «контрреволюционной организации», содействовавшей формированию «Добровольческой армии», и о так называемом «Тактическом центре» (апрель 1918, август — октябрь 1918, ноябрь 1918, февраль 1920, сентябрь 1922). Большевики были совершенно правильно убеждены, что имеют дело с последовательным идейным врагом, и неспроста: он рассматривал большевистский режим как богоборческий, антихристианский, уничтожающий в своем утопизме самые основы человеческой жизнедеятельности — собственность, право, семью, Церковь, национальную культурную традицию. Антикommунизм, несомненно, стал одной из определяющих черт мышления Ильина.

Ему реально угрожал концентрационный лагерь. Ильина спасло письмо, написанное Ленину А. И. Яковлевым, известным чувашским просветителем, который был в свое время другом отца Ленина. Яковлев особо подчеркивал, что Ильин является глубоким исследователем Гегеля, философию которого ценил вождь мирового пролетариата. Судя по некоторым воспоминаниям, диктатор был знаком с работой Ильина.

26 сентября 1922 г. мыслителя выслали за границу на знаменитом «философском пароходе». По отношению к нему (и сотням других лиц, преимущественно гуманитариев) большевики вынесли вердикт: терпеть их внутри страны невозможно, а расстрелять — не позволяет окончание Гражданской войны. Это решение спасло цвет русской гуманитарной мысли (не считая тех многих, кто погиб в годы Гражданской войны от лишений, голода, репрессий). Ильину и другим изгнанникам повезло остаться в живых: они сохранили Русский Логос, выполнили, по выражению И. А. Бунина, миссию русской эмиграции — осмыслили катастрофу, которая постигла Россию в 1917 г.

На долгие годы Ильин поселился в Берлине, одном из центров русского зарубежья. Там он преподавал курсы энциклопедии права и истории философии права, истории этических учений в Русском научном институте, в котором работали Н. А. Бердяев, Л. П. Карсавин, Н. О. Лосский, С. Л. Франк и др., занимал одно время должность декана юридического факультета.

Мыслитель стал бесспорным идейным лидером и идеологом русской военной эмиграции, тесно сотрудничал с П. Н. Врангелем и Русским общевоинским союзом (РОВС). В 1925 г. он опубликовал трактат «О сопротивлении злу силою», получив согласие от Врангеля на его посвящение «Русской Белой армии и ее вождям». В этой работе Ильин сформулировал ясные и трезвые ответы на вопросы: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и свое место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою?»⁵⁸

Казалось бы, ответы на эти вопросы очевидны. Однако значительная часть современников Ильина, даже пережив опыт столкновения с беспрецедентным в истории

⁵⁷ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1994. С. 578.

⁵⁸ Ильин И. А. О сопротивлении злу силою // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 33.

человечества злом («Ничего равносильного или равно порочного этому человеческая история еще не видала или, во всяком случае, не помнит. Столь подлинное зло впервые дано человеческому духу с такою откровенностью»⁵⁹), оказавшись в эмиграции, оставалась на позициях «непротивленчества». Последнее было обусловлено даже не столько толстовством, сколько порождением секулярной культуры, изломами «Серебряного века», мировоззрением «лишних людей», культивируемым в русской интеллигентской среде более столетия. Для подобного мировоззрения был характерен «наивно-идиллический взгляд на человеческое существо, а черные бездны истории и души обходились и замалчивались. Производилось неверное межевание добра и зла: герои относились к злодеям; натуры безвольные, робкие, ипохондрические, патриотически мертвенные, противогражданственные — превозносились как добродетельные... несогласные и непокорные объявлялись людьми порочными, подкупными, свекорыстными, лицемерами»⁶⁰.

Взгляды самого Ильина были мотивированы прежде всего христианскими ценностями: «Позиция безразличия, безволия и попушания не имеет ничего общего с христианским прощением и не может быть обоснована никакими ссылками на Евангелие»⁶¹.

Ильин проводил четкое различие между злом личным и злом общественным: «Призывая любить врагов, Христос имел в виду личных врагов самого человека, его собственных ненавистников и гонителей, которым обиженный, естественно, может простить и не простить. Христос никогда не призывал любить врагов Божиих, благословлять тех, кто ненавидит и попирает все Божественное, содействовать кощунственным развратителям, любовно сочувствовать одержимым растлителям душ, умиляться на них и всячески заботиться о том, чтобы кто-нибудь, воспротивившись, не помешал их злодейству»⁶².

Трактовка Ильиным христианской любви не противоречила опыту святости Александра Невского, Дмитрия Донского, Сергия Радонежского, Патриарха Гермогена, митрополита Филарета (Дроздова) и Иоанна Кронштадтского. Он мог бы вполне повторить, со всей страстью своей натуры, чеканную формулу святителя Филарета: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов Отечества, любите враги ваша».

В 1920-е и последующие годы философ занимал ярко выраженную антикоммунистическую и антилиберальную позицию. Учитывая это обстоятельство, уже в наши дни потомки идейных противников Ильина создали о нем «черный миф» как о коллаборационисте. Основой для очернения имени мыслителя послужили несколько его статей, посвященных итальянскому фашизму, которые были опубликованы в 1925–1926 гг. в эмигрантской газете «Возрождение» (редактор — П. Б. Струве); статья «О русском фашизме» (1928), напечатанная в издаваемом самим Ильиным журнале «Русский Колокол»; и статья «Национал-социализм. Новый дух» (1933) в той же газете «Возрождение» (редактор — Ю. Ф. Семенов). Именно на эти публикации чаще всего ссылаются, утверждая, что Ильин якобы был «гитлеристом» и нашел в фашизме практическое воплощение своей философии и убеждений. Рассмотрим эти серьезные обвинения подробнее.

Изначально философ воспринял фашизм исключительно как антикоммунистическое движение, возглавляемое сильным лидером, опирающимся на массовую поддержку итальянцев. В конце 1920-х гг. он, несомненно, идеализировал личность и политику Муссолини: «...его политика пластична, рельефна: она состоит из личных поступков, ярких, законченных, самобытных и часто со стороны — неожиданных; но эти личные поступки всегда суть в то же время деяния руководимых им масс, и притом организованные, и на ходу все еще организующиеся, деяния. Муссолини

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 37.

⁶¹ Там же. С. 144.

⁶² Там же. С. 141–142.

присущ дар политического скульптора, оригинальное, завершающее дерзновение Микельанджеловской традиции»⁶³.

В статье «О русском фашизме» Ильин изложил свое тогдашнее видение итальянского фашизма как своего рода вариации Белого движения: «В мире разверзлась бездна безбожия, бесчестия и свирепой жадности. Современное человечество отзывается на это возрождением рыцарственного начала... За последние десять лет рыцарственное движение, которое во всем его мировом объеме следует обозначить как *белое движение*, завязывается, крепнет и развертывается в самых различных странах и под различными наименованиями. Впервые оно началось у нас в России (в конце 1917 года), где оно по необходимости сразу получило военную организацию и вылилось в форму междоусобной борьбы... *одна из форм* белого движения (именно национально-итальянская), имевшая на месте серьезный успех, *заслонила собою другие драгоценные и необходимые формы* и дала имя всему движению в целом... Белое движение... *глубже* фашизма потому, что именно в фашизме совсем не проявляется или недостаточно действует глубочайший, *религиозный* мотив движения»⁶⁴.

Примерно так же, как и итальянский фашизм, мыслитель сначала оценил и национал-социализм, пришедший к власти в Германии в 1933 г.: «Что сделал Гитлер? Он остановил процесс большевизации в Германии и оказал этим величайшую услугу всей Европе»⁶⁵.

Подобного рода высказывания Ильина сегодня интерпретируются неокommунистами и либералами как якобы исчерпывающее доказательство идейно-политической принадлежности к фашизму и нацизму не только русского философа, но и всего Белого движения.

Нельзя отрицать, что Ильин, как и многие европейские деятели политики и культуры, до определенного момента позитивно оценивал деятельность Муссолини, — в этом он был не одинок. К примеру, консерватор У. Черчилль, восторгавшийся Муссолини в 1920–1930-х гг., даже в послевоенные годы находил в деятельности итальянского диктатора положительные моменты: «За этот период (21 год правления Муссолини — А. М.) он вызволил итальянский народ из омыта большевизма, в который тот погружался в 1919 году, и привел его к такому положению в Европе, которого Италия никогда раньше не занимала... Великие пути, пройденные им, останутся памятником его личной энергии и долгому правлению»⁶⁶. Таким образом, многие представители западной элиты воспринимали Муссолини и Гитлера в 1920-х и первой половине 1930-х гг. как выдающихся и перспективных политиков, — поскольку тогда главной угрозой виделся прежде всего коммунизм, ставящий целью уничтожение христианства и старых элит, стремящийся к мировой революции, массовому террору, ликвидации частной собственности, ведущий борьбу с патриотизмом, культурной традицией, традиционной нравственностью, национальным самосознанием, отрицающий «буржуазное» право и т. д. О преступлениях фашизма и нацизма тогда еще не имелось существенной информации, — они воспринимались как несопоставимо меньшее зло, нежели коммунизм.

Тем не менее, Ильин еще в 1920-е гг. ясно выразил свое принципиальное отношение к этатистским доктринам и практикам, характерным и для итальянского фашизма. Так, Муссолини декларировал, что его концепция государства всеобъемлюща и вне государства не существуют человеческие и духовные ценности. Ильин возражал: «Если *отрицать* государственное дело — нелепо, зловредно и фальшиво, то *переоценивать* государственное дело — недопустимо, опасно и губительно. Дело

⁶³ Ильин И. А. Личность Муссолини // *Его же*. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 243–244.

⁶⁴ Ильин И. А. Русский фашизм // *Его же*. Собр. соч.: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. С. 258–260.

⁶⁵ Ильин И. А. Национал-социализм // *Его же*. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). С. 119.

⁶⁶ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 3. М., 1991. С. 32–33.

государства является, по моему убеждению, в полном смысле слова второочередным, предварительно-отрицательным, *не* абсолютным, *не* праведным; и все же необходимым, ответственным и могущественным делом»⁶⁷.

Что же касается личности Муссолини, то в послевоенные годы Ильин оценивал ее несомненно критически. Говоря о поведении ряда эмигрантских «вождей» после 1945 г. (во всех отношениях уступавших бывшим Корниловым, Колчакам и Врангелям), он отмечал, что ими движет не тревога за Россию, а беспокойство за себя: «Сидит он, сидит в эмиграции; время идет; „лучшие годы“ его уходят, и досадно, и обидно! И начинает у него голодать и пухнуть честолюбие. И вот, как выразился один остроумный наблюдатель, человека начинает „дучить“ (от слова „дуче“, что по-итальянски значит „вождь“). Его „дучит“ и „вздучивает“»⁶⁸.

Статья о германском национал-социализме была написана Ильиным в 1933 г., когда гитлеровцы только пришли к власти. В это время он работал в Русском научном институте (Ильин был одним из его создателей в 1924 г.; деятельность института финансировалась сначала Министерством иностранных дел Германии, затем — Министерством культуры и науки Пруссии, а с 1933 г. — Министерством народного просвещения и пропаганды нацистской Германии). Для русского патриота-антикоммуниста на первых порах главным было то, что, как ему тогда казалось, Гитлер, как и Муссолини, устранил коммунистическую угрозу, а в фашизме и национал-социализме, как уже сказано выше, он ошибочно усматривал некий аналог Белого движения.

Позже Ильин полностью поменяет отношение к Гитлеру и национал-социализму, видя в них в первую очередь проявления откровенного «бесовства»⁶⁹. Более того, он осознает, что Гитлер «с его вульгарным безбожием, за которым скрывалось столь же вульгарное самообожествление, так и не понял до конца, что он идет по путям антихриста, предворяя большевиков»⁷⁰.

В дальнейшем Ильин так объяснял логику поведения части русской эмиграции (в том числе и свою собственную), имевшей иллюзии в отношении национал-социализма: «Когда Гитлер завопил против коммунизма, многие русские поверили ему. В действительности же он прикрывал этим готовящуюся расправу с версальски-обессиленной Европой и завоевательный поход на Россию. Опытные политики предупреждали друзей, что он может, если ему покажется выгодным, пойти на все: заключить с коммунистами союз (попытка Рема в 1934 г.), предложить Англии и Франции сделку за счет России (полет Гесса в Англию) или же, в случае победы над Советским правительством, он может не ликвидировать его, а предоставить ему докандывать не завоеванные еще части России, подготавливая их для дальнейшей германской колонизации. Это есть исторический факт: Германия, спасенная Россией (1805–15), ныне добивается ее завоевания (1914–18, 1939–45). Но многие наивные русские эмигранты ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: „враг моего врага — мой естественный единомышленник и союзник“. На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощаднейшим врагом»⁷¹.

Первоначально сам принадлежавший в лагерь «наивных», Ильин быстро прозрел, столкнувшись с реальной нацистской политикой. В письмах к своему другу писателю И. С. Шмелеву он подробно рассказал, как складывались его отношения с нацистами.

В июле 1934 г. Ильина уволили из Русского научного института — после того, как он категорически отказался выполнять требование помощника министра

⁶⁷ Ильин И. А. Кошмар Н. А. Бердяева. Необходимая оборона // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 239.

⁶⁸ Ильин И. А. Национальный вождь и партийные главари // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 36.

⁶⁹ Ильин И. А. Новый миф о Гитлере? // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. М., 2004. С. 307.

⁷⁰ Ильин И. А. О фашизме // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 87.

⁷¹ Ильин И. А. Враг моего врага // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 24–25.

пропаганды и просвещения по делам Восточной Европы А. Эрта включить в свои учебные курсы на юридическом факультете антиеврейскую пропаганду. Обстоятельства увольнения он детально изложил в письме Шмелеву от 7 августа 1934 г.:

«Туземцы той страны, где я постоянно живу, поступили так со мною за то, что я:

- а) несколько не сочувствую ни разговорам, ни планам об отделении Украины;
- б) категорически отказался насаждать антисемитизм в русской эмиграции;
- в) абсолютно никакого сочувствия не обнаружил и не обнаружу к насаждению их партии среди русских эмигрантов;

они:

- а) лишили меня права на работу и заработок в их стране;
- б) уволили меня из Рус<ского> Научного Института (нами созданного) с лишением жалованья;
- в) запретили мне политическую деятельность в их стране под угрозой концлагеря;
- г) распустили обо мне систему слухов, политически у них порочащих (масон, франкофил, жидолюб, поработен жидами и т. д.);
- д) выпустили по-русски клеветническую брошюру, которая рассылается и по другим странам, где между прочим утверждается, что я „не выслан, а прислан большевиками“, что я грибоедовский „Удушьев, Ипполит Маркельч“, что я объявил себя до них — юдофилом, а при них — стал антисемитствовать и читать лекции об арийском начале, что я, след<овательно>, переметная сума, карьерист и масон.

И все одна ложь! Это за все, что я сделал у них и для них по борьбе с коммунизмом! Подумайте, ведь задохнешься от человеческой подлости! Но не это еще главное. А вот главное: надо повернуться и уехать. А уехать — не-ку-да! То, что я себе готовил с июня в другой стране — повисло на волоске именно вследствие их гнусной клеветнической кампании: одни там поверили, что я подделываюсь к антисемитам и стал антисемитствовать, другие решили, что если меня травят эти человеки, то, значит, принятие меня будет им неудобно и вызовет дипломатические (!?) осложнения. Вот когда задохнешься! Я никогда не стану масоном. Но и к дикому антисемитизму ихнего лагеря совершенно не способен. Этот антисемитизм вреден России, опасен для нашей эмиграции и совершенно не нужен внутри страны, где антисемитизм давно уже разросся до химеры. Не говоря уже о его элемент<арной> несправедливости. Еще одно. Я никогда не хотел и не хочу делать политической карьеры. И всякую реальную политическую комбинацию непременно и неизбежно передал бы русским патриотам-непредрешенцам. Я ни о чем теперь так не мечтаю, как уйти совсем от политики и дописывать начатые мною семь книг. Я совсем не болею честолюбием, или точнее — мое честолюбие в том, чтобы мои книги после моей смерти еще долго строили Россию. В стране, где я жил, я всегда помнил, с кем имею дело; никогда не связывал себя никакими обязательствами, не страдал никаким „фильством“, не торговал русским достоинством и свято блюл русское достоинство. Мои книги знают по всей стране; в газетах и рецензиях много



И. А. Ильин в Цолликоне, 1934 г.

раз писали обо мне самые высокие, конфузующие слова. Но я не ихний. Я русский. И ныне мне там совершенно не место. Я сделал все, чтобы не упустить для России ни одной возможности; но теперь мне там делать нечего. Русская нац<иональная> карта там бита; из эмигрантов преуспевают политически одни прохвосты. И если мне будет некуда уехать, то передо мною — нищета, что при моем здравии означает медленное умирание.

Поймите, мой дорогой! Мне надеяться решительно не на кого, кроме Бога. Я стыжусь моего малодушия и моих жалоб. Ибо в таком положении — непартийного созерцателя, который вследствие своей непартийной предметности и непоклонности зажат насмерть между двумя партиями, — я не в первый раз в жизни. <...>

И так обстоит ныне: я не могу быть ни масоном, ни антисемитом. Для меня один закон: честь, совесть, патриотизм. Для меня одно мерило — русский национальный интерес»⁷².

Из письма тому же Шмелеву от 13 октября 1938 г.:

«Гонение на меня в Германии началось еще в 1933 г. за то, что я дерзал быть русским патриотом с собственным суждением.

Вот список.

1933. Апрель–июль. Первые посещения моего жилища политической полицией. Попытки разоблачить меня как „франкофила“ или же использовать меня против остальной эмиграции. Мой отказ.

1933. Август. Обыск у меня. Арест (так и везли под стражей через весь город на полиц<ейской> открытой колыхаге). Запрещение „заниматься политической деятельностью“ под угрозой концлагеря.

1934. Апрель. Предложение мне как профессору Русского Научного Института заняться пропагандой антисемитизма во всем эмиграционном рассеянии. Мой категорический отказ.

1934. Июнь. Мне отказано в праве на работу.

1934. Июль. Я уволен в два счета из Русского Института. <...>

1937. Август. Вызов в политическую полицию, где за четыре года скопились доносы на меня из среды „русского нац<ионал>-социалистич<еского> движения“. Доносы эти были читаны моими друзьями. Были доносы в 22 пункта.

1937. Октябрь. Два допроса в Гештапо. Не служил ли я в Москве большевикам? Отв<ет>: нет. Почему меня не расстреляли сразу, а выслали только через пять лет? Отв<ет>: Бог не допустил. Не масон ли я? Отв<ет>: нет.

1938. Февраль. Вызов в Гештапо. Запрет всяких выступлений — по-русски, по-немецки. Прекращен мой открытый философский семинарий. Никакие протесты не помогают. Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга. В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь.

1938. Май. Я готовлю мой окончательный отъезд из Германии.

1938. Июнь. Я получаю в частном порядке три уведомления:

- 1) Поход на меня будет продолжаться.
- 2) Пропагандное министерство объявило меня „разоблаченным масоном“, а мои публичные выступления недопустимыми — за отсутствие в них антисемитизма, — за проводящуюся в них христианскую точку зрения.
- 3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию.

⁷² Ильин И. А. И. А. Ильин — И. С. Шмелеву. <2Х.1934> // *Его же*. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). С. 490–492.

1938. Июнь. Я беру визу на Карловацкий Собор и получаю ее с правом возврата в Германию. Я передаю свою квартиру. Вещи и книги на склад. Один из друзей получает от меня генеральные полномочия на все мое имущество и на ведение моих дел.

1938. Начало июля — я покидаю Германию совсем. Уезжаю в Швейцарию. На Карловацкий Собор я не поехал по болезни. Все эти гонения причинили мне многомесячную ежедневную мигрень (с конца мая до сегодняшнего дня). <...>

В июле и в августе мне удалось вывезти все мои чемоданы с рукописями. 1 августа я подал прошение о праве жительства в Швейцарии. Ответа официального еще нет, но решение будет положительное. Вмешался целый ряд влиятельнейших лиц, первый — Рахманинов. И это наладится.

1938. 17 сентября приехали все мои вещи: мебель, библиотека и прочее. И приняты беспощадно.

Около 20 сентября — Гештапо накладывает арест на мою брошюру „Der Angriff auf die Ostkirche“. Она очень корректная. Всецело против большевиков. <...> В начале октября узнаю, что Гештапо повсюду разыскивает мое германское пребывание и добивается моего адреса.

Вот, дорогой мой, картина... Меня вынесло из Германии как на крыльях ангелов: нигде ни зацепки. Все спасено: до писем Врангеля, Шмелева, до записей и альбомов включительно»⁷³.

Оснований сомневаться, что фактическую картину своих отношений с нацистами Ильин в частном письме изложил правдиво, нет. Не известны какие-либо факты, которые бы ее опровергали.

Итак, почти сразу по приходе нацистов к власти он пережил запрет заниматься политической деятельностью, наотрез отказался вести антисемитскую пропаганду, лишился работы, его не раз вызывали в гестапо, устраивали обыски, угрожали заключить в концлагерь, на него писали доносы реальные пособники нацистов. В итоге он вынужден был бежать в Швейцарию. Там он поселился в пригороде Цюриха Цолликоне и продолжил свою публицистическую и научную деятельность.

Следует подчеркнуть, что все статьи Ильина 1920–30-х гг., посвященные фашизму и нацизму, носят ситуативный характер и составляют ничтожный процент в его огромном многоотном наследии.

Позднее, в годы войны, философ подверг нацистскую политику в отношении России и русских радикальной критике. Он поддержал цели антигитлеровской коалиции и прекрасно сознавал, что нацизм является абсолютным злом, угрожающим самому существованию русского народа, — куда более опасным, нежели коммунистический режим, и надеялся на то, что последний в ходе войны трансформируется в нечто более национально приемлемое — в силу того, что сработает инстинкт национального самосохранения.

Так, в самом начале войны он писал: «...в народе начало пробуждаться национальное чувство. Это пробуждение охватило сначала молодежь страны, но затем заговорило и на периферии партии. И поэтому коммунистический центр вынужден учитывать пробуждающийся национальный инстинкт самосохранения, открыть для него отдушину. <...> Восстал новый дух, и это был здоровый дух. Не напрасно народ в течение 20 лет жестоко страдал от коммунизма. Разумеется, он еще не мог совершить политического переворота, ведь у него не было ни оружия, ни толчка извне; но ему уже, по меньшей мере, хотелось снова стать и называться „Россией“. И коммунисты должны были постепенно прийти к пониманию того, что в случае войны между народами им не удастся защититься или двинуть в военный поход

⁷³ Ильин И. А. И. А. Ильин — И. С. Шмелеву <13.X.1938> // *Его же*. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). С. 241–245.

страну и государство, используя коммунистические и большевистские лозунги и интернационально-революционные цели»⁷⁴.

Ильин предполагал, что война неизбежно ослабит жесткость и жестокость большевистского режима, при этом он не выдвигал задачу его свержения: «...мы осмеливаемся предсказать, что тотальная война приведет к образованию в большевистской системе пробелов и брешей, что прочная структура внутреннего управления ослабеет и, прежде всего, что угнетенный и запуганный народ постепенно отринет страх и воспрянет душой. <...> Эта война не сможет непосредственно уничтожить большевизм. Скорее она придаст ему вид „атакуемой партии“, который большевистская пропаганда превращает в „прогрессивную борьбу за справедливое дело“»⁷⁵.

«...Русские народные массы временно примирились с навязанной им тоталитарной государственной формой как с целесообразным оружием войны и тем самым придали советскому государству определенную боеспособность. Война довела до того, что армия, задуманная и созданная 24 года тому назад как классовая „Красная“ армия, получила приток миллионов некоммунистов и по этой причине постепенно становится народной армией, которая, тем не менее, должна сражаться под руководством коммунистов. Было бы неверно говорить в этой связи, что большевики эволюционируют. В действительности они остаются теми, что и были, их пропаганда на фронте и в революционных ячейках других стран по-прежнему остается коммунистической пропагандой, ратующей за идею мировой революции. В то же время в армии и стране происходят большие и сегодня почти незаметные, почти не предсказуемые перемены. Войну может вести только народ; народ пополняет армейский состав, воюет и завоевывает тем самым большее влияние; большевистский аппарат вынужден работать, исходя из целесообразности, и подчиняться фактам. Эта „новая деловитость“ и неожиданные реалии не имеют коммунистической природы»⁷⁶.

По мере приближения конца войны у Ильина исчезли надежды на эволюцию коммунистического режима: «Как и прежде, сохраняется монопольное господство партии; в освобожденных от немцев российских областях вновь восстанавливаются крестьянские коллективные хозяйства; в балтийских странах вновь введена монопольная государственная экономика, терпимость к мелким крестьянским хозяйствам — явление временное <...> в официальных речах вновь звучит апология коммунизма; русская армия вновь называется „Красной армией“; а терпимость по отношению к жалким остаткам полностью поработанной Церкви есть маскировка, рассчитанная на доверчивых европейцев. Все документы, опубликованные по этому поводу от имени Русской Церкви, несмотря на наличие на них подлинных подписей, написаны не духовными лицами, а подготовлены коммунистическими управлениями и переданы для обязательной визы духовенству»⁷⁷.

Тем не менее, победа была одержана и, по мнению Ильина, она принадлежит русскому народу, а не коммунистической государственной машине: «Русский народ сумел осознать, что подвергся агрессии и возникла смертельная угроза его существованию, тогда его стихийный инстинкт самосохранения пробудился,

⁷⁴ Ильин И. А. Русская проблема, увиденная изнутри // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 59–60.

⁷⁵ Ильин И. А. Судьба большевизма. Наш специалист по России пишет // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 83–84.

⁷⁶ Ильин И. А. Политические и социально-психологические аспекты войны // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 100–101.

⁷⁷ Ильин И. А. О ситуации // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 248–249.

заполнил мертвую бюрократическую машину коммунизма и вырвал у врага победу»⁷⁸.

Необходимо особо отметить, что на протяжении всей войны Ильин не был солидарен с так называемыми «дефетистами», желавшими во имя освобождения от коммунистического ига поражения своему народу, и критически относился к власовскому движению, видя в нем прежде всего инструмент нацистской политики: «Требовалось сделать более удобоваримой для русского „мавра“ его вынужденную принудительную работу на Германию, чтобы он был спокоен и делал свое дело до того часа, когда станет не нужен и его ликвидируют. Причем едва ли можно предположить, чтобы Власов не догадывался об этой тайной цели»⁷⁹.

После войны Ильин проанализировал «пробелы и ошибки» фашизма, дав ему уже гораздо более точную и глубокую характеристику:

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религиям, исповеданиям и Церквам вообще.
2. Создание правого тоталитаризма как постоянного и якобы „идеального“ строя.
3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.
4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная „мания грандиоза“).
5. Смещение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.
6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой»⁸⁰.

Безусловно, это критика с консервативных позиций. Как видим, для Ильина фашизм неприемлем в силу его антихристианской направленности, тоталитаризма, партийной монополии, воинствующего национализма и шовинизма, огосударствления экономики и цезаризма. Можно спорить и уточнять отдельные формулировки русского мыслителя, но никакой апологетики правого тоталитаризма у него нет и быть не могло.

В итоге Ильин дал Германии и немцам, равно как и политике «Drang nach Osten», максимально критическую оценку: «...война, в которой Гитлер возродил и вынес на Восток империализм средневековых германцев с их традиционными приемами, обнажила всю глубину национального презрения, ненависти и жестокости германцев к русскому народу. Мы должны додумать до конца и покончить раз навсегда с сентиментальными иллюзиями. После большевиков — Германия есть главный национальный враг России, единственный могущий посягнуть и дважды посягнувший на ее бытие и не останавливающийся ни перед какими средствами. Эта инстинктивная мечта нескольких германских поколений — двинуться на Восток и превратить Россию, по немецкому выражению, в „историческую кучу навоза“ — не может и не должна считаться „угасшей“ и ныне: она возродится при первой же политической конъюнктуре»⁸¹.

⁷⁸ Ильин И. А. Почему Германия проиграла войну. Дипломатия и политика // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 335.

⁷⁹ Ильин И. А. Что же произошло с власовским движением? // *Его же*. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. С. 284.

⁸⁰ Ильин И. А. О фашизме. С. 87.

⁸¹ Ильин И. А. Германия — главный национальный враг России // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 12.

Таково было реальное отношение И. А. Ильина к фашизму, нацизму и коллаборационизму на протяжении длительного периода, с середины 1920-х гг. и, как минимум, до второй половины 1940-х гг.

В 1948–1954 гг. он создает уникальный цикл статей, возникший на основе еженедельных листков для Русского общевойскового союза, — «Наши задачи». Это — наиболее масштабный русский национальный проект, исполнение «миссии русской эмиграции».

В сборнике статей речь шла о России, главных событиях ее истории, прежде всего — о революции; о наиболее острых проблемах русской жизни, русском национальном характере; об отношениях России и Европы; о путях возрождения России, вызовах, угрожающих существованию русского народа, о государственном строительстве в России после избавления от коммунистов и т. д.

Ильин был убежден, что после падения коммунистического режима основная задача русского национального спасения и строительства будет состоять в создании новой элиты — «в выделении кверху лучших людей, — людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно-творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения»⁸². Если эта задача не будет выполнена, то «Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости»⁸³.

Направить Россию на верный путь, по мысли философа, способна национальная диктатура, под которой Ильин понимал сильную государственную власть, «диктаториальную» по объему полномочий и государственно-национально настроенную. Впрочем, национальная диктатура мыслилась Ильиным лишь как переходная ступень к монархии.

В своей незавершенной книге о монархии и республике он однозначно отдал предпочтение внеклассовой, внепартийной монархии. Исследователь и хранитель наследия Ильина Н. П. Полторацкий выделил около двух десятков характеристик, или признаков, монархического и полярного ему республиканского правосознания, отмеченных Ильиным, составив наглядную таблицу⁸⁴:

	Монархическое правосознание	Республиканское правосознание
1	олицетворение власти и государства-народа	растворение личного начала и власти в коллективе
2	культ ранга	культ равенства
3	мистическое созерцание верховной власти	утилитарно-рассудочное восприятие власти
4	приятие судьбы и природы, ведомых Провидением	человеческое изволение выше судьбы и природы
5	государство есть семья — патриархальность и фамилиарность	государство есть свободный равный конгломерат, уравнительное всесмещение
6	пафос доверия к главе государства	пафос гарантии против главы государства
7	пафос верности	пафос избрания удобного, <i>rebus sic standibus</i> («оговорка неизменных обстоятельств», дающая одной

⁸² Ильин И. А. Основная задача грядущей России // *Его же*. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. С. 265.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 617–618.

		договаривающейся стороне или нескольким основание для одностороннего расторжения договора в случае серьезного изменения обстоятельств)
8	центростремительность	центробежность
9	тяга к интегрирующей аккумуляции	тяга к дифференцированной дискретности, атомизму
10	культ чести	культ независимости
11	заслуги служения	культ личного успеха, карьеры
12	стихия солидарности	стихия конкуренции
13	органическое восприятие государственности	механическое восприятие государственности
14	культ традиции	культ новаторства
15	аскеза политической силы суждения	притязательность политической силы суждения
16	культ дисциплины, армия	личное согласие, инициатива, добровольчество
17	гетерономия, авторитет	автономия, отвержение авторитетов
18	пафос закона, законности	пафос договора, договорности
19	субординация, назначение	координация, выборы
20	государство есть учреждение	государство есть корпорация

Согласно Ильину, только при наличии монархического правосознания возможно возрождение монархии в России. Без такого правосознания монархия в лучшем случае будет фикцией, декоративным учреждением.

Наследие И. А. Ильина огромно и по-прежнему остро актуально для современной русской мысли. Он является центральной фигурой русской консервативной философии XX в. Уже издано свыше тридцати томов его собрания сочинений

и предстоит публикация еще не менее пятнадцати томов. Мы коснулись лишь некоторых принципиальных моментов биографии философа и самых основных его социально-политических идей.

Мыслитель скончался в Цолликоне в 1954 г. В 2005 г. прах И. А. Ильина и его супруги был перевезен в Россию и перезахоронен в некрополе Донского монастыря в Москве. Панихиду тогда совершил Патриарх Алексий II, в своем слове отметивший, что настоящее событие «свидетельствует



Освящение надгробий И. А. Ильина и Н. Н. Ильиной на кладбище Донского монастыря Святейшим Патриархом Кириллом 24 мая 2009 г.

о завершающемся восстановлении единства нашего народа, разделенного трагической историей прошлого века». 24 мая 2009 г. Патриарх Кирилл освятил новые надгробия на могилах И. А. Ильина, А. И. Деникина и И. С. Шмелева в Донском монастыре.

Священник Игорь Иванов: Византизм и византийская монархия в понимании И. А. Ильина

Обращаясь к теме «Византизм и византийская монархия в понимании И. А. Ильина»⁸⁵, следует отметить, что внимание русского мыслителя привлекает проблема тирана как «порченного» монарха: «Тиран есть монарх, не стоящий на высоте своего призвания; и более того — извращающий свое призвание, свою национально-политическую функцию и тем подрывающий монархическое правосознание в своем народе и монархическую форму своего государства»⁸⁶. Ильин приводит ряд примеров тиранического поведения монарха как из античных жизнеописаний, так и из характеров эпохи Возрождения. Не исключением для него была и Византия: «Худших тиранов знала Византия — таков был, например, правивший перед крестовыми походами император Андроник Комнин, который, по словам современного историка, „считал потерянным тот день, когда он не захватил и не ослепил какого-нибудь знатного человека, думая гибелью других упрочить свою власть. Столица жила в постоянной тревоге. Зверство соединялось у него с крайним сладострастием. При этом он постоянно заигрывал с городской чернью, которая однажды свергла его и надругалась над ним“»⁸⁷.

Также Ильин отмечает, что при правильном устроении личной ответственности в государстве может быть ситуация, когда «двоецарствие и многоцарствие мы видим и в нормальном порядке. В Спарте было нормально *два* царя, но аристократия держала их в приниженности, и они были только простыми членами сената. Именно поэтому они искали себе опоры у народа и хотели возвыситься через освобождение гелотов. Далее, еще римские императоры ввели „соправление“ преемников престола: наследники имели полномочия царей. В Византии в XI веке Роман Диоген, женившись на регентше, Евдокии Макремболитиссе, дал письменное обязательство признавать своими соправителями всех трех сыновей Константина Дуки — Михаила, Андроника и Константина. В официальных документах ставились подписи *четырех* царей. Вообще, в Византии наследники, даже малолетние, именовались (по римской традиции „соправления“) — царями; царей могло быть сразу два и три»⁸⁸.

Такая опора на личные отношения есть как бы оборотная сторона опоры на личную ответственность перед тем, с кем связан общими узами, — будь это узы родства, любви или соучастия в общем деле. Но и они могут быть испорчены пороком. Тем не менее, в этом свободном личностном риске как раз и сказывается личностное творение как истории своей жизни, так и жизни общественной. Личность и личностность — основа правопорядка тогда, когда человек осмысленно, целенаправленно и последовательно стремится реализовать в мире Правду Божию и правду человеческую. Если же человек идет вразрез этим правдам, то он разрушает и сам правопорядок, который строится на базовом принципе «не навреди!».

Таким образом, Ильин не только выявил христианский идеал правителя, но и обозначил аспекты искажения этого идеала, равно как и пути решения «проблемы тирана». Удерживающим от разрухи в душах, умах и делах, по Ильину, может быть только религиозная совесть: «Если охватить все это единым взглядом, — всю эту *цельность* правосознания и все его жизненные задания, — то мы неизбежно придем

⁸⁵ По работе: *Ильин И. А. О монархии и республике // Его же. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. С. 415–576.*

⁸⁶ Там же. С. 562.

⁸⁷ Там же. С. 415.

⁸⁸ Там же. С. 422–423.

к тому выводу, что правосознание есть в конечном счете некая духовная *дисциплинированность инстинкта*, которая вызывает в нем *живое чувство ответственности* и сообщает ему известное *чувство меры* во всех социальных проявлениях человека. Именно так и обстоит на самом деле. Человек, одаренный живым правосознанием, инстинктивно чувствует предел своих полномочий, внутреннее понуждение к исполнению своих обязательств и обязанностей и некое отталкивание от запретных действий. В глубине его души живет легкий „удерж“, который мешает ему совершить запретное, причем этот „удерж“ всегда находит для себя глубокую санкцию в *совести* и высокую санкцию в *религиозности*»⁸⁹.

Именно развитая религиозная совесть есть отличительное свойство монарха в силу его духовной ответственности за свой народ перед Богом. Конечно, такое ожидание может быть применимо к любому правителю с развитой и адекватной религиозностью. Однако именно с монархом связывает Иван Ильин личную праведность, правосознание и порядок: «Так или иначе, но к самой сути монархического правосознания принадлежит идея о том, что царь есть *особа священная, особенно связанная с Богом* и что именно это свойство его является источником его *чрезвычайных полномочий*, а также основой *чрезвычайных требований*, предъявляемых к нему, его *чрезвычайных обязанностей* и его *чрезвычайной ответственности*. Именно поэтому он призван — *искать и строить в себе праведное и сильное правосознание*. Эти обязанности суть прежде всего *обязанности внутреннего духовного делания и самовоспитания*; они должны осмысливаться как *религиозные*»⁹⁰.

Итак, согласно И. А. Ильину желательнее, чтобы именно царь в силу своего особого образа служения обществу максимально стремился воплощать в себе нравственные идеалы. Но при этом важно, чтобы и его подданные соответствовали такому же устройению, то есть каждый «призван — искать и строить в себе праведное и сильное правосознание». При конгруэнтности этих царственных настроек в обществе как целом и возможна, пожалуй, монархия как таковая (когда Христос как Царь правит умом, просвещающим сердце).

В. А. Воропаев: Лекция Ивана Ильина о Гоголе

Лекция известного русского философа Ивана Ильина на немецком языке «Gogol der grosse russische Satyriker, Romantiker und Lebensphilosoph» (русский перевод: «Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни»⁹¹), произнесенная в 1944 г. в Цюрихе, ранее была известна по изложению Н. Полторацкого⁹².

Следует иметь в виду, что лекция носит популярный характер и прочитана для иностранцев (в основном немцев). Ильин начал с того, что Гоголя далеко не легко постичь. «Даже современники редко понимали его, а то и вовсе не понимали. Немногим лучше обстоят с ним дела и у потомков». Но как беллетрист и новеллист Гоголь нравился всем. При жизни его ценили как «сатирика и юмориста, а лирико-мистическую и трагико-мистическую сторону его таланта не понимали или едва понимали»⁹³.

Вслед за этим Ильин приводит пророческие слова Гоголя из его письма к В. А. Жуковскому: «Знаю, что мое имя после меня будет счастливее меня». Лекция движется по биографической канве. От отца Гоголь «унаследовал склонность к литературе

⁸⁹ Там же. С. 453.

⁹⁰ Там же. С. 474.

⁹¹ *Ильин И. А. Гоголь — великий русский сатирик, романтик, философ жизни* / Пер. с нем. З. Г. Антипенко // *Его же. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3: О России и русской душе. М.: Русская книга, 1997. С. 240–276. Переиздано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь* / Сост., вступ. ст. и коммент. М. Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 141–184.

⁹² *Полторацкий Н. И. А. Ильин о Гоголе* // *Записки русской академической группы в США. New-York, 1984. Т. 17.*

⁹³ *Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. С. 241.*

и театру», от матери — «тонкий и нервный душевный склад и искреннюю мистическую веру»⁹⁴. Пушкин «вселил в него веру в себя, напутствовал его, поставив перед ним большие задачи, наметил перспективы»⁹⁵. «Ревизор» и «Мертвые души», как известно — это отмечает Ильин, — подсказаны Гоголю Пушкиным. «Родину души своей» Гоголь обрел в Риме. Здесь он переделывает свой украинский эпос «Тарас Бульба», заканчивает новеллу «Шинель» и первый том «Мертвых душ». За границей Гоголь «ведет оживленную переписку с друзьями в России, страдает безденежьем и черной меланхолией»⁹⁶.

Рассказ о жизни Гоголя, по необходимости беглый, приходит к «Выбранным местам из переписки с друзьями», к «злобному письму» Белинского, к «роковой встрече» писателя с «фанатичным ортодоксом-священником Матвеем Константиновским». Ильин называет его «предельно ограниченным человеком». В результате — «Гоголь погрузился в болезненную аскезу». В 1848 г. он совершает поездку в Иерусалим, «будучи не в состоянии ее духовно оценить», затем в Оптиной Пустыни посещает мудрого старца, который «на какое-то время вселяет в его душу покой, и работает над вторым томом «Мертвых душ». Перед смертью Гоголь «в смятении и сомнении» сжигает свои рукописи»⁹⁷.

Во второй части лекции Ильин говорит, в частности, о «загадке» смерти Гоголя, которая «стала классической проблемой в русской литературе»⁹⁸. Немало усилий было потрачено на то, чтобы разрешить ее, но успехи мизерны»⁹⁹. Отвергая мысль о душевной болезни писателя, Ильин замечает, что Гоголь «чувствовал и знал неискоренимое зло в человеческой природе, знал доподлинно и глубоко». В этом заключался источник его особых мучений. «При этом Гоголь был чистой, нравственно-благочестивой, склонной к идеализации и мечтательности мистико-религиозной натурой»¹⁰⁰. Творческий путь его — путь «очищения». Называя почти все художественные произведения Гоголя, Ильин видит в них «отражение злободневности тогдашней России». «Мертвые души», по его словам, значительно глубже, чем это кажется на первый взгляд. «Главная идея поэмы имеет глубокий религиозный смысл». Ее герои «утратили Божественное измерение вещей и жизни и превратились в мертвые души»¹⁰¹. Книга Гоголя должна была «положить начало развенчанию пустоты и очищению во всерусском масштабе». Этим объясняется то обстоятельство, что Гоголь стал печальным, когда прочитал отдельные главы поэмы своим друзьям и увидел, что они смеются¹⁰².

То, что Гоголь часто покидал Россию, было его «роковой ошибкой». Ему так и не удалось совершить «большое путешествие по России»¹⁰³. Ильин часто по ходу лекции вспоминает о том, какую большую помощь оказывал Гоголю А. С. Пушкин. А более мелкие натуры (приятели Гоголя) не имели такой возможности, т. к. многого не понимали. Когда настал предсмертный кризис, — друзья сочувствовали Гоголю, — «помочь же ему мог только более великий, но тот погиб» (то есть Пушкин). Будь жив Пушкин, Гоголь не умер бы так рано и таким образом. В заключение Ильин говорит: «Отчаявшийся в своем художественном даре, разочарованный, гонимый завистливой хулой кое-кого из тогдашних знаменитостей, мучимый аскетическими советами священника Матвея Константиновского, который... требовал

⁹⁴ Там же. С. 243–244.

⁹⁵ Там же. С. 250.

⁹⁶ Там же. С. 253–254.

⁹⁷ Там же. С. 255–256.

⁹⁸ См. подробнее: *Воропаев В. А.* «Ей, гряди, Господи Иисусе»: Тайна смерти Н. В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 244–288.

⁹⁹ *Ильин И. А.* Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3. С. 256.

¹⁰⁰ Там же. С. 262.

¹⁰¹ Там же. С. 270.

¹⁰² Там же. С. 271.

¹⁰³ Там же. С. 274–275.

от Гоголя ни больше ни меньше как отречься от греховного духа Пушкина; ослабевший здоровьем и нервами по причине длительной и неумолимо строгой аскезы, покинутый и одинокий — сложил несчастный и мучимый гений свои крылья и без малейшего сопротивления покинул земную юдоль»¹⁰⁴.

П. Н. Базанов: Философ И. А. Ильин, книжное дело Русского Зарубежья и Братство Русской Правды

Братство Русской Правды (далее — БРП)¹⁰⁵ — одна из самых секретных и загадочных организаций Русского Зарубежья. Во главе Братства стояли поэт С. А. Соколов-Кречетов и герцог Г. Н. Лейхтенбергский. Выдающийся русский философ И. А. Ильин в целом к его деятельности относился положительно.

Г. Н. Лейхтенбергскому принадлежал книжный магазин «Град Китеж» и одноименное издательство. Именно в нем была напечатана знаменитая книга И. А. Ильина «О сопротивлении злу силою»¹⁰⁶.

Философ принял деятельное участие в известном альманахе «Белое Дело» — совместном проекте РОВС, БРП и издательства «Медный Всадник». Первые четыре тома были сборниками воспоминаний и документов о наиболее важных и героических событиях Гражданской войны с точки зрения белых. В первом томе введением служила статья И. А. Ильина «Белая идея».

Любимый ученик и друг Ильина Роман Мартынович Зиле (Зилле) (1900–1971) был наиболее инициативным членом руководства БРП, лидером русской молодежи в Латвии.

В периодической печати Русского Зарубежья БРП постоянно обвинялось в фиктивности своей деятельности и отсутствии боевой работы в СССР. Руководство Братства решило обратиться за правдой к «нейтральному лицу». В письме П. Б. Струве от 29 ноября 1927 г. Ильин сообщал: «Ко мне обратился Верховный Круг БРП (по крайней мере 30% его Вы знаете лично и уважаете) с просьбой взять на себя единоличный арбитраж, констатирующий их морально-серьезный уровень и патриотическое благородство их намерений и усилий. Для дальнейшего опубликования во всех газетах. Предлагают все портфели и данные. Я не дал им окончательного ответа и решил предварительно снестись с Вами. Коллегиальный арбитраж они проводят по условиям дела и работы. Опорочением же своим они тяготеют, считая это вопросом чести, в данном случае не поддающимся дуэльному разрешению в силу условий дела и в интересах единства фронта. Повторяю, ответа я им не дал и имею ряд оснований для отказа. Не потому, чтобы я считал их дело дурным или темным. И не потому, что они дурные люди. Совсем нет. Но потому, что это может оказаться несовместимым с другими лежащими на мне делами и обязательствами»¹⁰⁷.

Не дождавшись ответа П. Б. Струве, И. А. Ильин в следующем письме от 22 декабря того же года сообщил об окончательном отказе от «арбитража». Публично свои соображения он изложил в статье «Как хранить тайну (Правила и советы)», подписанной псевдонимом «Старый Политик»¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Там же. С. 276.

¹⁰⁵ См. подробнее: Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: Монография. М., 2013. 420 с.

¹⁰⁶ См. типовой издательский договор, опубликованный Ю. Т. Лисицей (Иван Ильин и Россия: неопубл. фотографии и архив. материалы / Авт.-сост. Ю. Т. Лисица. М., 1999. С. 93).

¹⁰⁷ Опубл.: Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Тенафлу, 1989. С. 64–265.

¹⁰⁸ Старый Политик. Как хранить тайну (Правила и советы) // Русский Колокол. 1927. № 1. С. 70–80.

Источники и литература

1. *Uždavinys A. Philosophy as a Rite of Rebirth: From Ancient Egypt to Neoplatonism. The Matheson Trust and Prometheus Trust, 2008. 165 p.*
2. *Базанов П. Н. Братство Русской Правды — самая загадочная организация Русского Зарубежья: Монография. М.: Посев, 2013. 420 с.*
3. *Базанов П. Н., Вахитов Р. Р., Гаврилов И. Б., Ермишина К. Б., Корольков А. А., Малинов А. В., Медоваров М. В., Тесля А. А., Фатеев В. А. Евразийство: pro et contra. К 100-летию выхода сборника «Исход к Востоку». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 12–52.*
4. *Белукова В. Б., Гаврилов И. Б., Захарова В. Т., Иванов И., свящ., Любомудров А. М., Пак Н. И. «Истинная Россия есть страна милости, а не ненависти». Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 50-летию кончины классика литературы Русского зарубежья Бориса Константиновича Зайцева (1881–1972) // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 154–166.*
5. *Воропаев В. А. «Ей, гряди, Господи Иисусе»: Тайна смерти Н. В. Гоголя в свете его церковного мировоззрения // Русско-Византийский вестник. 2019. № 1 (2). С. 244–288.*
6. *Гаврилов И. Б. К характеристике политической философии И. А. Ильина // Ильинские чтения: Мат. Междунар. науч.-практ. конф. СПб.: Град духовный, 2017. С. 143–151.*
7. *Гаврилов И. Б. К характеристике религиозно-философского мировоззрения князя Е. Н. Трубецкого // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2022. № 3 (15). С. 79–104.*
8. *Гаврилов И. Б. Художник. Мыслитель. Пророк. 200-летний юбилей Ф. М. Достоевского на страницах изданий СПбДА: ретроспективный анализ и библиографический обзор // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2023. № 3 (19). С. 258–276.*
9. *Даренский В. Ю. «Смысл жизни» князя Е. Н. Трубецкого — «канон» православного экзистенциализма // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 58–82.*
10. *Даренский В. Ю. Компенсаторная функция философии в секулярной культуре // Традиционные общества: неизвестное прошлое: Мат. XVI Междунар. науч.-практ. конф., 20–21 мая 2020 г. Челябинск: Изд-во ЮУГПУ, 2020. С. 322–327.*
11. *Даренский В. Ю. Об «инициационной» парадигме в историко-философских исследованиях // Южный полюс. Исследования по истории современной западной философии. 2018. Т. 4 (1–2). С. 95–116.*
12. *Даренский В. Ю., Дронов И. Е., Ильин Н. П., Котельников В. А., Медоваров М. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б. Философия Аполлона Григорьева (1822–1864) в контексте русской и европейской мысли и культуры. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 3 (14). С. 12–48.*
13. *Даренский В. Ю., Котельников В. А., Медоваров М. В., Минаков А. Ю., Самуйлов Г. Н., Лебрён Р., Суарес Х. М. Н., Гаврилов И. Б. Жозеф де Местр (1753–1821) и русская мысль: к 270-летию савойского религиозного мыслителя. Материалы Международной конференции научного проекта СПбДА «Византийский кабинет» от 7 ноября 2023 г. // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 24–64.*
14. *Иван Ильин и Россия: неопубл. фотографии и архив. материалы / Авт.-сост. Ю. Т. Лисица. М.: Русская книга, 1999. 191 с.*
15. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б. О IV научно-богословской конференции «Русско-Византийский Логос» 13 сентября 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 230–240.*
16. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б. О деятельности «Византийского кабинета» в 2022 г. // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 241–259.*
17. *Иванов И., свящ., Гаврилов И. Б., Титаренко С. Д., Титаренко Е. М., Сокурова О. Б., Маркидонов А. В. Вячеслав Иванов: поэт, философ, христианин. К 70-летию со дня кончины.*

Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» // Русско-Византийский вестник. 2020. № 1 (3). С. 338–355.

18. Ильин И. А. Путь духовного обновления. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.

19. Ильин И. А. Религиозный смысл философии: три речи, 1914–1923. Париж: У. М. С. А.-Press, 1924. 114 с.

20. Ильин И. А. Самобытность или оригинальничание? // Русская мысль. Париж, 1927. Кн. 1. С. 24–30.

21. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 1. М.: Русская книга, 1993. 494 с.

22. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. Кн. 2. М.: Русская книга, 1993. 479 с.

23. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1994. 592 с.

24. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. 621 с.

25. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 5. М.: Русская книга, 1995. 607 с.

26. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. 3: О России и русской душе. М.: Русская книга, 1997. 559 с.

27. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. 603 с.

28. Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 9–10. М.: Русская книга, 1999. 507 с.

29. Ильин И. А. Собр. соч.: Гитлер и Сталин. Публицистика 1939–1945 годов. М.: Русская книга, 2004. 624 с.

30. Ильин И. А. Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903–1938). М.: Русская книга, 1999. 606 с.

31. Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934). М.: Русская книга, 2000. 555 с.

32. Ильин И. А. Собр. соч.: Русский Колокол: Журнал волевой идеи. М.: ПСТГУ, 2008. 855 с.

33. Ильин И. А. Собр. соч.: Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М.: Русская книга, 2001. 559 с.

34. Ильин И. А. Собр. соч.: Философия как духовное делание. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 715 с.

35. Ильин И. А., проф. Родина и мы. Белград: Русская типография, 1926. 16 с.

36. Корольков А. А. Нравственная философия Валентина Распутина. СПб.: Росток, 2018. 271 с.

37. Маркидонов А. В. Богословие и культура: Монография. СПб.: Изд-во СПбДА, 2022. 504 с.

38. Павлюченков Н. Н. О важных направлениях в сравнительном анализе философско-богословских концепций князя Е. Н. Трубецкого и священника П. Флоренского // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 33–57.

39. Полторацкий Н. И. А. Ильин о Гоголе // Записки русской академической группы в США. New-York, 1984. Т. 17. С. 143–170.

40. Полторацкий Н. Иван Александрович Ильин: Жизнь, труды, мировоззрение. Tenaflay (N. J.): Эрмитаж, 1989. 320 с.

41. Сизоненко Д., прот., Кибальниченко С. А., Маркидонов А. В., Титаренко С. Д., Гаврилов И. Б. «Достоевский: Трагедия — Миф — Мистика» Вячеслава Иванова. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник». К выходу нового научного издания монографии В. И. Иванова о Ф. М. Достоевском // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 144–175.

42. Сокурова О. Б. Эпоха катастроф и идея «любви собирающей» в религиозно-философских трудах Е. Н. Трубецкого // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 96–112.

43. Старый Политик. Как хранить тайну (Правила и советы) // Русский Колокол. 1927. № 1. С. 70–80.

44. Стогов Д. И. Е. Н. Трубецкой и русские консерваторы: к истории взаимоотношений // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 83–95.

45. Томсинов А. В. Мыслитель с поющим сердцем. Иван Александрович Ильин: русский идеолог эпохи революций. М.: Зерцало-М, 2012. 181 с.

46. *Фатеев В. А.* Князь Е. Н. Трубецкой как критик теократической утопии Вл. С. Соловьева // Русско-Византийский вестник. 2021. № 3 (6). С. 11–32.
47. *Хондзинский П., прот., Гаврилов И. Б., Даренский В. Ю., Павлюченков Н. Н., Фатеев В. А.* Александр Матвеевич Бухарев (архимандрит Феодор): pro et contra. К 200-летию со дня рождения. Материалы круглого стола научного журнала СПбДА «Русско-Византийский вестник» // Русско-Византийский вестник. 2023. № 4 (15). С. 10–35.
48. *Хондзинский П., прот., Костромин К., прот., Легеев М., свящ., Иванов И., свящ., Оболевич Т. С., Маркидонов А. В., Фатеев В. А., Гаврилов И. Б., Медоваров М. В., Тесля А. А.* Наследие прот. Георгия Флоровского (1893–1979): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет» к 40-летию кончины выдающегося православного мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2021. № 1 (4). С. 156–175.
49. *Хондзинский П., прот., Павлюченков Н. Н., Медоваров М. В., Гаврилов И. Б.* Религиозно-философское наследие священника Павла Флоренского (1882–1937): pro et contra. Материалы круглого стола научного проекта Издательства СПбДА «Византийский кабинет». К 140-летию со дня рождения и 85-летию со дня трагической кончины выдающегося русского мыслителя // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 24–50.
50. *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 3. М.: Воениздат, 1991. 749 с.
51. *Экология культуры: природа и человек в культурно-цивилизационном пространстве: Сб. науч. трудов / Под ред. О. Б. Сокуровой, М. Н. Цветаевой.* СПб.: СПбГУ, 2022. 278 с.